

Дж. Ларкомбе Риис

Проклятие Черного Угла

clv

Christliche

Literatur-Verbreitung e.V.

Postfach 110135 • 33661 Bielefeld

Издание первое 1991

Издание второе 1992

© оригинала 1967 by J. Larcombe Rees

Название оригинала: The Curse of Craigburn

© русского издания 1991

by CLV · Christliche Literatur-Verbreitung

Postfach 110135 · 4800 Bielefeld 11

Перевод с немецкого: E. Domanski / E. Siemens

Оформление обложки: Dieter Otten, Bergneustadt

Набор: C·S·E · Computer-Satzservice Enns, Bielefeld

Типография: Elsnerdruck Berlin

ISBN 3-89397-166-1

Содержание

Что произошло в Черном Углу	7
„Безобразный“ из лесу	17
Ага, попался!	27
Необычное открытие	37
Дикая Басти	47
Пустая клетка	55
Обнаружен	65
„Цезарь“ и бомба	75
Хорст шокирован	83
Кто такая Сильвия Мор?	95
Новый друг	105
Сплошные проблемы	119
Себастиан и духовой оркестр	129
Соревнования по стрельбе	141
Неожиданности для Франка	149
Многое меняется	155

Что произошло в Черном Углу

Отец сказал, что этот дом проклят.

Франк сидел на высохших ветвях яблони и смотрел в сторону дома. Теперь-то он был старше и понимал, что отец имел в виду жителей этого дома и их семью; но в этот полдень и сам дом уподобился проклятью. Гранит черных стен угрюмо выделялся на фоне серого неба, а ветер неумолимо хлестал ветки сосен о шиферную крышу. Краска, которой еще прадедушка покрасил оконные рамы и входные двери, отколупилась; на окнах везде – еще со времен прабабушки – висели тяжелые парчевые занавески. А сад, за которым она ухаживала и смотрела, стал диким и пустынным.

Дом и впрямь выглядел проклятым.

Франку казалось, что на протяжении всей его жизни на нем лежала тень несчастья, происшедшего в этой сельской усадьбе, и только совсем недавно он узнал, в чем заключалось это несчастье. Самым неприятным было то, что никто не хотел ему об этом рассказать.

Когда он спрашивал, его успокаивали: „Подрастешь, тогда все узнаешь“. От этого несчастья еще более разрасталось в его воображении, так что, в конце концов, оно рисовало такие ужасные картины, что ложась спать, он от страха прятал голову под одеяло.

– Собственно говоря, я ведь выяснил все это всего пару месяцев тому назад, – прошептал он про себя, – но они мне кажутся годами.

Он стал вспоминать тот, так много значащий для него день. Ну и дождь же лил после обеда! С длиннейшим списком закупок в руке он вбежал в лавку г-на Михеля. Г-н Михель был единственным тор-

говцем в округе, но у него продавалось буквально все, что можно только себе представить – так, по крайней мере, он утверждал. Он был очень толстым, и некоторые люди злословили, что он никогда не покидает свою лавку только потому, что дверь для него узка. А стоило его застать в хорошем расположении духа, то он умел рассказывать истории, как никто другой; при этом, они обычно касались других людей и являлись сущей правдой. Возможно, поэтому взрослые его недолюбливали, но дети его обожали.

На этот раз Франк застал его одного за прилавком. Он сидел там и уплетал одно печенье за другим. Это было добрым признаком и означало, что тот располагал временем и настроением для рассказов.

– Ахтенки! – воскликнул он, когда Франк оказался в лавке. – Как посмотрю я на тебя, стоящего там, в полутьме – да ты, как две капли воды, похож на свою мать!

Пока г-н Михель приносил нужные по списку Франка продукты, весело похрустывая при этом печеньем, в голову Франка приходили жуткие мысли. Сегодня, впервые за свою жизнь, он услышал, что кто-то говорит о его матери.

– Как бы заставить его говорить? – думал он в замешательстве, – тогда бы я узнал... все! Только бы никто не вошел в лавку и не помешал нам!

Сердце его учащенно билось, когда он, как бы мимоходом, заметил:

– Разве вы знали мою мать, г-н Михель?

– Знал ли я ее? – воскликнул он, повернувшись к нему всем телом. Его рука, которой он как раз что-то доставал с полки, повисла в воздухе. – Конечно, я знал ее, да я их всех там, наверху, в усадьбе, знал.

У Франка перехватило дух.

– Тогда вы и об этом несчастье все знаете?

– Знаю ли я о нем? – еще раз переспросил г-н Михель. – Конечно!

– А я еще нет, – тихо сказал Франк. – Как вы думаете, я уже достаточно взрослый, чтобы знать о нем?

Г-н Михель взял большое шоколадное печенье и принялся молча жевать его. Франк вспомнил теперь, как тогда во мраке этой лавочки он нетерпеливо ждал ответ на свой вопрос. Ему казалось, что г-н Михель взялся за самое большое в мире печенье – столько времени ему понадобилось прожевать его. Наконец, со свойственной ему простотой и широтой высказываний, он сказал:

– Возможно, что ты уже достаточно взрослый, мальчик, возможно; только не говори своему отцу, что это я рассказал тебе обо всем!

Я хорошо помню твою прабабушку – этакая изящная старая дама с настоящим орлиным носом.

– Я знаю, – засмеялся Франк, – у нас в зале есть ее старая пожелтевшая фотография в черной рамке. На ней она как раз читает огромную книгу.

– Да, – ответил г-н Михель, – это была ее Библия. Обычно она часами читала ее, сидя в углу кухни в своей качалке. Некоторые люди считали, что она уделяла этому слишком много времени. Но когда эти же самые люди попадали в нужду, они шли напрямик к ней, чтобы получить помощь. С самого начала, когда я открыл эту лавку, твой отец был молодым и вместе со своими родителями занимался хозяйством в усадьбе, а эта старая дама жила с ними. Они были тогда зажиточными, да, очень зажиточными. В те дни мне позволялось посылать в усадьбу Черного Угла лишь лучшие товары.

– А что же случилось потом? – настойчиво прошептал Франк.

– Ну-с, родители твоего отца решили однажды прогуляться в одноконной повозке и были в лесу как раз на самой вершине, над старой каменоломней. По мнению полиции, лошадь, должно быть, внезапно чего-то испугалась, возможно, зайца или чего-то другого. Во всяком случае, она понеслась, повозка накренилась и оба слетели вниз, в каменоломню.

Твой несчастный отец! Такой молодой! „Ах, не так страшно“, – говорили мы все, – при нем ведь еще старая дама, она позаботится о нем“. И еще как! Она покинула свою качалку, повязалась передником и варила, чистила, короче – заботилась о нем. Но для ее восьмидесяти лет это было слишком... Через год она умерла.

– И он остался совсем один?

– Да, совсем один, с усадьбой, оставшейся на его плечах – а ему тогда исполнилось как раз двадцать пять лет. Мы все советовали ему продать усадьбу, но он не захотел делать этого и продолжал работать с господами Фурманом и Адалбертом, этой старой шельмой. Его свиньи заболели чумой, и за один год он их всех потерял, а в следующем году сгорела большая часть урожая. Я не знаю, как он это все перенес, ведь одна беда сменялась другой. Неудивительно было бы, если он подался бы на кривую дорожку, как твой дядя Гарри, эта черная овца семьи.

И, как обычно, рассказывая печальную историю, г-н Михель забавно потешался.

– Мы все облегченно вздохнули, когда заметили, что он стал ухаживать за твоей матерью. Ему тогда примерно двадцать восемь стукнуло.

Это была самая суть всей истории; этого момента Франк, казалось, ожидал всю свою жизнь. Затаив дыхание, он думал: „Если сейчас кто-нибудь

войдет в лавку... Не знаю, что я тогда сделаю". Он собрался с духом и спросил:

– Как она выглядела?

– О, у нее были длинные золотистые волосы – такого же цвета, что твои – она их никогда не закалывала и не покрывала шляпкой. Это была дикая девочка, постоянно смеявшаяся и радовавшаяся каждой минуте своей жизни. Но вершиной ее счастья было, когда она садилась верхом на свою лошадь, бешено носясь по окрестности. Ее лошадь звали Бестия, и она была крупной, черной и такой же темпераментной, как сама наездница. Я сразу говорил, что эта лошадь опасна! Зимой они поженились, а год спустя появился ты...

Последовало длинное неловкое молчание.

Наконец, Франк тихо, казалось, не своим голосом, спросил:

– Значит, я тоже был этим несчастьем?

– Да, мальчик. Некоторые считают, что это наказание за дикий нрав твоей матери, но врачи в больнице говорили, что такое случается крайне редко. Сначала они считали, что ты никогда не сможешь говорить и воспринимать окружающий тебя мир. Будь благодарен, Франк, что у тебя, по крайней мере, здравый ум, если уж твое телосложение не совсем такое, как должно быть. Будь благодарен и за это.

Франк вспомнил, как он, нагнувшись, посмотрел на свою тонкую левую ногу, обутую в большой ботинок на специальной толстой подошве, и на свою беспомощную, неуклюжую левую руку. С горечью он подумал о том, что благодарить-то, фактически, не за что. В голове мелькнула страшная мысль:

– Приятно ли видеть это моему отцу?

Скрадывая неловкость этого вопроса, г-н Михель взялся еще за одно печенье.

– Знаешь, когда усадьба многие годы принадлежит собственной семье, хочется, естественно, иметь здорового наследника, который мог бы продолжить традицию; но твоя мать, увидев, как опечален твой отец, высмеяла его, утверждая, что у них появится еще много здоровых сыновей. В то время ты был маленьким, слабеньким младенцем, не больше двух месяцев от роду, а она, несмотря ни на что, ежедневно выезжала на своей большой черной лошади.

Но и этому пришел конец. Как сейчас помню все, что произошло в тот страшный день! Помахав мне, она проскакала мимо этой лавки в сторону холмов. Я ее больше никогда не видел. Как только мне стала известна ужасная весть, я поспешил к усадьбе.

Г-н Михель считал долгом присутствовать при каждом экстренном случае.

– Доктор Хардер сказал, что еще была надежда спасти ее, если бы ее немедленно увезли в Дилфинген, в больницу, но после того, как ее нашли лежащей на вереске, она была доставлена домой, в усадьбу. А лошадь три дня не показывалась.

Тогда мы с Адалбертом всю ночь просидели в кухне за кофе. Что это была за ночь! Такого урагана мне еще не приходилось видеть! Он свирепо кидался на стены дома, в трубах ужасно выло!

Франку никогда не забыть, как лицо г-на Михеля все приближалось и приближалось к нему из-за прилавка и как он наслаждался каждым своим словом.

– Да, это была ужасная ночь. Наконец, наверху закрипел пол, доктор Хардер спустился и тотчас вышел на улицу. Через некоторое время спустился и твой отец, он медленно вошел в кухню, прикрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной.

„Теперь это не имеет значения,— сказал он,— теперь я уверен, что Бог против меня. Я его любил, теперь — ненавижу. Я исторгну Его из моего дома и из моей жизни, а также из жизни моего сына. Я ничего не желаю больше с Ним иметь. Этот дом проклят“.

И тогда что-то нашло на него. Он метался из комнаты в комнату, срывая со стены библейские стихи, которые развесила еще твоя прабабушка. Когда он покидал комнату, ветер с шумом захлопывал за ним дверь так, что весь дом содрогался. Тогда он схватил с книжной полки большую Библию этой старой дамы и вместе с сорванными со стен стихами швырнул ее в костер, который развел во дворе. Затем он вернулся в дом, а нас оставил на улице. Ветер с такой силой захлопнул за ним входную дверь, словно этим ударом Бог действительно был навсегда исключен из этого дома.

— А дальше? — прошептал Франк.

— Тут ветер повернул пламя в сторону сарая, и если бы мы его не потушили, то в одно мгновение вся усадьба была бы охвачена огнем.

— А Библия полностью сгорела?

— Нет, не совсем. Я предложил Адалберту бросить остатки книги в кухонную печь, но тот ответил, что слишком уважал старую даму, чтобы теперь так жестоко обойтись с ее Библией. И он где-то спрятал ее. Уже не помню, где именно, да и он, наверное, тоже.

Франк поежился и поднял воротник своего пальто; сидеть на яблоне становилось холодно.

Что это был за полдень и как он закончился! Бедный г-н Михель! Он охотно рассказывал всякие истории и доводил их до такого накала, что слушателей трясло, когда они покидали лавку. Но в тот полдень его радость была испорчена, а чувство дра-

матического глубоко ранено. Когда он достиг самой высшей точки этой трагедии, то настолько расчувствовался, что схватил сразу два печенья и проглотил их. В глазах его появились слезы, лицо покраснело; подавившись, кашляя и чихая, ему пришлось удалиться в свою спальню, находящуюся за лавкой.

И хотя Франка тоже трясло, когда он покинул лавку, но скорее от смеха, чем от страха; он смеялся всю дорогу до самого дома.

Франк неуклюже слез с яблони и усмехнулся, вспоминая слезы на глазах г-на Михеля. Он поклялся, как уже тысячу раз клялся, что во что бы то ни стало найдет Библию, даже если это будет стоить ему жизни.

„Безобразный“ из лесу

Когда в один из холодных зимних дней Франк закрыл за собой дверь, его охватило чувство тепла и уюта. Он окинул взглядом старомодную кухню с ее полом, выложенным красными плитками, с ее крепким деревянным столом, с жарко потрескивающим огнем в камине. Это был его дом. Черный Угол, возможно, и выглядел грубым и отталкивающим снаружи, но стоило ему попасть в кухню, как он чувствовал себя дома.

Устало стащил он с себя дождевик, повесив его на крючок, которым из поколения в поколение пользовались все мужчины этой семьи, и усмехнулся, увидев возле своего черный прорезиненный дождевик тети Хильды. Отец и он никогда не говорили об этом, но и не убирали его. Каждый раз, глядя на него, они втайне радовались, что тетя Хильда уже никогда не вернется и не наденет его.

После смерти матери тетя Хильда (впрочем, она никогда не была никому настоящей тетей) взяла Франка, его отца и дом „под свое попечение“, и Франк, его отец и дом не смогли снести этого удара. С раннего утра до самого вечера она чистила все и всех, бранилась и выговаривала при этом каждому, создавая напряженную обстановку. В то время они роскошно жили во всех помещениях дома – за исключением кухни. Им запрещалось в нее заходить – это было личное царство тети Хильды, где она варила ужасные рыбные паштеты и рисовые пудинги и стирала еще совсем чистое белье.

Франк вспомнил, как два года назад, придя из школы, его охватил неудержимый гнев, когда она, как обычно, хотела помочь ему снять пальто и ботинки.

– Возможно, я не очень здоров,– процедил он сквозь зубы,– но не из слабых!

Это услышал отец, и вдруг в этом всегда спокойном человеке что-то взорвалось, он стукнул кулаком по столу и упрекнул ее:

– Вот чем ты занимаешься! Из моего сына ты делаешь беспомощного инвалида, а из дома э... э... музей чистоты!

И он наговорил ей еще кучу других чрезвычайно приятных вещей, которые Франку уже годами хотелось ей высказать.

Вечером она ушла, но лишь после того, как в отместку за все, сунула в печку отвратительный рыбный паштет для ужина.

Франк начал накрывать на стол. Нерасторопность своей левой руки он уравнивал здоровой правой. Каким наслаждением была их жизнь после этого! Они заперли с отцом все двери в доме и весело поживали в кухне и двух комнатах для прислуги, расположенных напротив.

Франк наполнил котел и поставил его на печку. Подобное ему не пришлось бы сделать при тете Хильде. Как было чудесно чувствовать себя мужчиной, а не маленьким ребенком! Он присел перед печкой на корточки, заглянул вовнутрь ее и от восторга чуть не потерял равновесие.

Фрау Фурман принесла сегодня котлеты и паштет из почек. Фрау Фурман „заглядывала“ ежедневно после обеда; она была очень толстой, у нее было девятеро детей и ни одного зуба. Уборкой она заниматься не любила, но зато к ужину всегда готовила что-то вкусное.

Вдруг о входную дверь что-то стукнуло, и тут же в кухне очутились две большие овчарки и отец. Все трое были ужасно голодны и уже вскоре все молча, с наслаждением ели. Франк и отец обсуждали

лишь самое насущное, они молча радовались присутствию друг друга, а болтовня – это женское дело. К счастью, в доме не было женщины, которая могла бы испортить мир мужчины такой мелочью, как замечанием о том, что на столе нельзя держать локти. К несчастью, не было и женщины, которая помыла бы посуду; но и это вскоре было сделано. Отец устроился на одном конце стола со своими хозяйственными счетами, в то время как Франк – на другом конце со своими домашними заданиями. Собаки довольно ворчали, лежа перед камином, и пламя огня окрашивало мирные стены кухни в темно-красный цвет.

На следующее утро, идя через лес, Франк думал, что школа – неплохое дело, вот если бы только не было школьного двора. Когда все сидели за столами в единственном большом помещении деревянной школы, тогда между отдельными учениками не было различий. Но когда во время большой перемены или после занятий кто-то предлагал: „Давайте играть в войну!“, тогда не все уже были одинаковыми. Франку совсем не приносило удовольствия отворачиваться спиной к играющим и делать вид, что намного интереснее в каком-то углу швырять камнями по жестяной банке.

Ну ладно, думал он, завтра суббота.

Вдруг рядом с ним между деревьями что-то зашуршало. Он резко остановился и обернулся. Какой-то зверек, появившийся из кустарника, перебежал через дорогу и скрылся в листе папоротника, а затем все опять стихло. Как интересно было идти в школу лесом! Ведь никогда не знаешь, что новое ожидает тебя за стволами деревьев.

Лес был большой и занимал немалую площадь. Кому он принадлежал – было великой тайной и кроме лесничего, который нес ответственность за

лес и все лесные работы, этого никто не знал. Сколько у него ни допытывались – он не говорил.

Франк любил каждую из этих высоких, стройных лиственниц и кривых сосен, хотя иногда одному в лесу было жутковато. Но вот лес уже остался позади, а впереди раскинулась деревня. Уже были видны лавка г-на Михеля, церковь и дом священника, школа посреди серого школьного двора, белое здание гостиницы, за которой было поле для игры в гольф, терявшееся в темно-зеленой стене леса.

Дорога в этом месте была крутой, и Франк мог идти только медленно. Он уже почти спустился, как вдруг позади него послышался гул, будто от проходящего стада коров. Во все стороны сердито посыпались камни и вспугнутые вороны, боязливо каркая, поднялись ввысь. Из-за поворота, широко галопируя, показался мальчик-великан. Он несся по дороге, грохоча большими черными ботинками, а вслед за ним неслась, словно руль корабля, его школьная сумка. Возле Франка он с радостью размашисто остановился и ухмыльнулся.

– Я уже думал, что снова опаздываю, – пропыхтел он, – до полуночи я помогал в хлеву. У нас появились ягнята.

Роберт так страстно интересовался сельским хозяйством, что едва ли мог говорить о чем-то другом и всегда ложился спать с толстой книгой о скотоводстве и земледелии.

„Вот бы мне быть таким сильным, как Роберт“, – подумал Франк, когда они вместе продолжали путь, – „мой отец гордился бы мной“.

Роберт весело болтал о своих ягнятах–двойняшках; так они дошли до гостиницы, где их поджидал Хорст. Это маленькое заведение принадлежало его отцу, но, слушая Хорста, можно было подумать, что он живет в столичном гранд-отеле. А он всего-

навсего жил в маленьком доме, где бедняги гости должны были мириться с „поварским искусством“ его матери и скучными „веселыми рассказами“ его отца.

В это утро на Хорсте была новейшая куртка и, поджидая друзей, он одергивал и поправлял ее, выставляя напоказ.

– Привет, ребята, – снисходительно, как король бродягам, сказал он. – Знаете ли, что предстоит мне завтра утром?

– Завтрак? – угрюмо спросил Франк.

Хорст окинул его уничтожающим взглядом.

– Нет, после завтрака, конечно. Я должен обслуживать барона фон Колбен, когда он будет играть в гольф с учителем игры в гольф. Ему рассказали, что я всех быстрее в округе приношу мяч. К вашему сведению – он живет у нас. Это было сказано так, будто высшее общество в их доме – что-то само собой разумеющееся.

Когда они продолжали путь в школу, Роберт по одну сторону от Франка рассказывал про свой двор, а с другой стороны шел Хорст и хвастался своими способностями. Оказавшись среди мальчиков, Франк мечтал только о том, чтобы не выглядеть по сравнению с ними маленьким.

После обеда последним уроком в трех старших классах была история. В школе было двадцать восемь учеников и одна учительница. Они занимались все вместе в одном помещении, но каждый класс сидел на своем ряду. Франк сидел сзади в старшем классе, вместе с Робертом, Хорстом и другими. Им приходилось много учить, так как их учительница, г-жа Клаар, часто говорила, позванивая серебряными кольцами запястья:

– Мы бы хотели, чтобы все вы попали в гимназию в Дилфинг.

Франк заметил, что каждый раз, говоря это, она презрительно косилась на Себастиана. Франк сидел рядом с ним и, как другие, считал его глуповатым, но, несмотря на это, тот ему нравился. У Себастиана были большие торчащие уши, и он всегда носил широкие, развевающиеся вельветовые штаны и кроссовки. Сейчас он как раз сидел с открытым ртом и вообще ни о чем не думал. Роберт сидел по другую сторону Франка, занимаясь тем, что чертил на обложке учебника истории новейший план дезинфекционного купального помещения для овец.

Неожиданно в последние ряды поступила записка от Хорста: „После школы приходите все в лавку г-на Михеля кушать мороженое“. В пятницу ни у кого никогда не было карманных денег, за исключением Хорста, и поэтому все соглашались с тем, что он предлагал, да это было и удобно.

Весь старший класс в своем полном составе вышагивал по улице: Роберт, Себастиан, Хорст и двойняжки Фергузон, дочери лесничего. Двойняжки были очень похожи между собой и в то же время – совсем разные. Мать одевала их всегда одинаково, но Сабилла выглядела изящно, как манекен, в то время как Хайде была похожа на пугало для птиц.

Что бы ни предлагалось, Хайде всегда быстро загоралась:

–Идемте, наконец,– звала она всех. – Возможно, сегодня мы услышим от него что-то интересное.

С развевающимися косами она сорвалась с места и первая примчалась в лавку. Она взбежала по ступенькам и хотела было уже войти, как вдруг резко остановилась, уставившись в дверное окно. Что-то в ее позе заставило и других резко остановиться.

– Быстро! – зашипела она,– за дом! Этот „безобразный“ из лесу, он как раз собирается выйти. Все,

кроме Франка, скрылись за лавкой. Он не умел так быстро действовать и потому чуть было не столкнулся с этим оборванным бродягой, о котором все говорили, что он самый безобразный во всем мире.

Они все сбились в кучу, наблюдая, как тот, со своим мешком, полным продуктов, поплелся в сторону леса.

Хайде облегченно вздохнула:

– Фу, разве не страшно было бы встретиться с ним в лесу?

Все еще дрожа от страха, они втиснулись в лавку.

– Видели этого малого? – спросил г-н Михель, опуская руку в холодильник и доставая Хорсту мороженое. – У меня всегда волосы дыбом становятся, когда я вижу, что он входит в лавку.

Так как волос на голове г-на Михеля уже давно не было, никто не поверил этому, но все уставились на него широко открытыми глазами, когда он, наклонившись над прилавком, произнес:

– Ханнес Леммерих, старый лесничий, был вчера у меня и рассказывал, что проходя мимо его дома в лесу – это не дом, а всего лишь жилой прицеп, обнесенный забором – знаете, что он там услышал?

– Что? – прошептали все, и Франк почувствовал, что теперь его волосы становятся дыбом, как до этого утверждал г-н Михель.

– Да знаете ли вы, что слышалось из-за этого высокого забора? Ужасные звуки – удары, визг и странный крякающий шум.

– Как вы думаете, что могло бы там быть, за этим забором? – спросил Себастиан, большие уши которого от расстройства покраснели.

– Этого никто не может знать, – мрачно ответил г-н Михель, – ведь заглянуть через забор невозможно, он слишком высок. Но одно я точно знаю – ничего хорошего. Мой племянник в Дилфинге имеет

возле вокзала магазин и часто видит его там с тачкой, загруженной маленькими деревянными ящиками.

Он отсылает их багажом, а через несколько дней они возвращаются. Но где эти ящики побывали и что в них находится – не берусь сказать.

Неудовлетворенное любопытство настолько вывело его из равновесия, что господину Михелю самому пришлось съесть мороженое. Компании пришлось покинуть его, так как он целиком погрузился в решение этой загадки.

– Ахтеньки, я бы все отдала, чтобы узнать, что находится за забором.

– Я тоже,– усилил это желание Себастиан,– но никто из нас не решился бы и одним только глазом посмотреть через забор.

– Ну, это как сказать,– расхвастался Хорст,– мне это ничего не стоит! Это же совсем просто: тихонько подкрасться, подставить лестницу – и во мгновение ока можно все увидеть. Нет, я не вижу в этом ничего страшного.

– Почему бы тебе не сделать это завтра же? – завороченно предложил Себастиан,– и мы с тобой тоже пойдем.

– О, да,– добавила Хайде,– мы устроим пикник в лесу, не замерзать же нам.

– Я... э... ах, да, я же завтра занят. Я должен присутствовать при игре в гольф,– обрадованно ответил Хорст, подыскивая извинение.

– Так это же утром,– сказал Роберт.

– У меня, к тому же, лестницы нет,– Хорст усиленно искал выход.

– О, у нас есть, из этих новых, легкая, складная лестница,– гордо предложил Роберт. – Мой отец наверняка даст мне ее.

Хорст понял, что оказался в тупике.

– Ну хорошо,– угрюмо ответил он,– но чур, не упрекайте меня потом, если нас убьют или сожрут эти ужасные визжащие и крякающие звери.

Ага, попался!

Они отправились на следующий день после обеда. На небе сияло зимнее солнце. Обычно Франк всегда держался в стороне от игр, так как он терпеть не мог, когда всем приходилось его ждать и помогать перелезть через ворота и стены. Но сегодня он об этом не думал, так как сгорал от любопытства.

Роберт нес лестницу и большую сумку с едой, в которую каждый положил свой приготовленный для пикника сверток с едой. Он был таким сильным, что ему ничего не стоило понести и вдвое больше.

Продвигаясь вперед, они вошли в сумерки зимнего леса, и вскоре их поглотила его жуткая тишь.

– Будет лучше, если мы пойдем тропой, ведущей мимо „Бездонного пруда“, – предложил Хорст. Сегодня он был в приподнятом настроении: еще бы, барон фон Колбен дал ему пять марок вместо обычных трех. И он задумал разыграть Себастиана.

– Себастиан, – спросил он, – знаешь ли ты что-либо про этот „Бездонный пруд“?

– Нет, – ответил Себастиан, уставившись на Хорста с открытым ртом.

Значит, твой отец никогда не предостерегал тебя?

– Нет, зачем же?

– Тогда ты, наверняка, никогда не слышал об этом чудовище?

Остальные с трудом сдерживали смех. И всему же верил этот Себастиан, его так легко можно было поймать на удочку!

– Послушай-ка, Себастиан, – продолжал Хорст, – ты ведь знаешь о чудовище из озера Несс? Так вот, по сравнению с этим тот просто крохотный голова-

стик. И что самое страшное: оно пожирает живых людей!

– Может, мы свернем на другую тропинку? – в страхе проговорил Себастиан, и уши его обрели пунцово-красный цвет.

– Может, это было бы лучше, – согласился Хорст, – а поскольку я тебя очень уважаю, Себастиан, я посвящу тебя в тайну этого чудовища. Ему следует лишь дать что-то поесть. Поскольку он, подобно слону, никогда не забудет об этом из благодарности к тебе, то считай, ты застраховал себе жизнь. Я бы на твоём месте пожертвовал своим пакетом еды.

Лицо Себастиана выразило смущение.

– Да, но в нём же мой любимый фруктовый торт, – жалобно произнес он.

– Мой милый Себастиан, – серьёзно произнес Хорст, – что такое торт по сравнению с твоей жизнью?

Между тем они приблизились к пруду. Хайде прижалась к дереву, заглушая свой смех, на Роберта напал приступ кашля. Опечаленный Себастиан медленно взялся за сумку с едой и прошмыгнул к берегу пруда. Все явственно услышали короткий всплеск, и он вернулся к друзьям с просветленным лицом.

– Так оно было лучше, – произнес он, – я тебе очень благодарен, Хорст, а так как одна рука другую моет, то я и твой пакет забросил.

– Что ты наделал? – заорал Хорст. Он вспомнил о содержимом своего пакета, которое он любил: хлеб с сыром и огурцом.

– Я забросил твой пакет, чтобы ты, как и я, был в безопасности. Разве тебя это не радует?

Хорст угрожающе двинулся на него, и если бы он не запнулся за лестницу, то Себастиан вскоре лежал бы в пруду, рядом со своей едой.

Итак, они двинулись дальше. Хорст потирал нос, который он ушиб при падении. В лесу становилось все темнее и страшнее.

– Давайте разговаривать потише,– прошептала Хайде,– мы уже почти пришли.

Вскоре они пришли к поляне, где за высоким забором жил этот старик. Было непонятно, почему лесничий разрешает ему здесь жить, а г-н Михель даже сказал, что это просто срам.

Они бесшумно подкрались к забору – бесшумно, даже Себастиан, под большими ногами которого ветки, казалось, хрустели еще громче. Наступил долгожданный момент. Лестницу растянули и приставили к забору; у каждого замерло сердце: и зачем только они пришли сюда?

– Давай, Хорст, залезай,– как всегда бестактно прошептал Себастиан.

– Ох, с пересохшим горлом прохрипел Хорст,– разве я забыл вам сказать? Доктор Хардер совсем запретил мне подниматься по лестнице. Я страдаю голо... э... э... головокружением.

– Но вчера ты был еще вполне здоров, не так ли? – озабоченно прошептала Хайде.

– Да...а, это произошло сегодня так внезапно,– болезненным голосом протянул Хорст.

Ошеломленные, все стали потихоньку прятаться за стволами деревьев, чтобы за их прикрытием обсудить обстановку.

– Знаете, я боюсь,– чистосердечно признался Роберт, решительно сядя на пень.

– Себастиана посылать нет смысла,– проговорил Хорст,– он слишком глуп для этого и ничего не сможет рассказать об увиденном.

– Я тоже не пойду на эту пыльную лестницу, я запачкаю свою новую юбку,– оправдывалась Сибилла.

– Я пойду,– заявил Франк, прерывая затянувшееся молчание.

– Ты? – все вдруг заговорили разом, удивленно уставившись на него. – Сможешь ли ты вообще подняться по лестнице?

Этого Франк сам точно не знал, но спокойно проговорил: „Конечно“ и возвратился к забору.

Больше всего Франк боялся показаться им жалкой тряпкой. Наконец-то наступил момент доказать им обратное.

„Только бы не застрять на полпути и не осяраться“,– неуверенно подумал он.

Подойдя к лестнице, Себастиан крепко ухватился за нее, а Франк стал медленно подниматься, осиливая одну перекладину за другой. Не так-то легко подниматься, имея, фактически, лишь одну здоровую ногу, но после некоторых усилий Франк оказался наверху. Свою правую ногу он перекинул через забор: ведь сидя на нем верхом можно легче удержать равновесие. Однако, прежде чем он успел что-то разглядеть, пришло несчастье в лице Себастиана. Подпрыгивая от расстройства, он нечаянно задел своей большой ногой лестницу. И тут произошло непредвиденное. Лестница накренилась и Франку пришлось ухватиться за забор. Откуда-то снизу раздался громкий, раздраженный окрик, и в последний момент Франк еще успел увидеть, как его друзья скрылись за деревьями, разбегаясь кто куда. Конечно, Себастиан при этом зацепился за гнилой пенек, заорав при этом не своим голосом. Земля все быстрее приближалась к Франку. Все ближе и ближе и, наконец, что-то коснулось его плеча, и он молча приземлился.

Сперва он не понял, жив ли он или мертв, ибо ему казалось, что он витает где-то в воздухе. Вокруг него все покачивалось, как морская трава в воде. Нако-

нец, он разглядел грязные пальцы ног, с любопытством уставившиеся на него из дырявых ботинок. Над пальцами можно было заметить довольно рваные штаны, а совсем вверху – лицо безобразнейшего в мире мужчины.

– Ага, теперь ты мне попался,– сказал он голосом, похожим на карканье вороны.

Франк судорожно вздохнул, пробуя встать на ноги. Калитка в заборе была как раз напротив него.

– Извините за беспокойство,– сказал он,– я сейчас уйду.

– Ты повредил себе ногу,– без всякого сожаления сказал мужчина.

– О нет,– торопливо ответил Франк. – Это у меня с рождения.

– Пойдем в мое жилище, выпей чашку кофе. – Это был скорее приказ, чем приглашение.

– О нет, большое спасибо, я тороплюсь обратно,– забеспокоился Франк.

– Я сказал, пошли в мое жилище и выпей чашку кофе!

На этот раз Франк без возражений последовал за ним. Когда позднее его спрашивали, что находилось в этом жилище, он ничего не мог припомнить кроме того, что там было темно, и он увидел великое множество кубков, стоящих на столе и на полу, а также на книжных полках. Одни были очень большие, другие – маленькие.

Мужчина подтолкнул его к скамейке, а сам принялся разливать кофе из котелка в алюминиевые кружки, затем добавил молока из банки и сахар из кулька и напоследок размешал все это зубной щеткой.

Франк поглядывал на него, как кролик на ласку. Возможно ли вообще родиться таким безобразным? Особенно нос. Он был почти черный и рас-

ширился к низу во все стороны лица. Во рту торчали всего лишь три зуба, да и те были желтые, как у старого пса. Нельзя было понять, где кончались его длинные прямые волосы и где начиналась борода.

– Я ужасен, не правда-ли? – его грубый голос прервал мысли Франка.

– Я... эээ... я... думаю, нет,– заикаясь проговорил он.

– Лишь поэтому я живу здесь, подальше от всех людей. Я не выношу, когда меня пристально разглядывают. – Он с болью смотрел в свою кружку. – Я всю свою жизнь проработал в лесу, в Канаде, и пробовал скрыться от людей. А двадцать лет тому назад, когда я пошел на пенсию, я приехал сюда. Я хотел навсегда от них скрыться и до сих пор не выношу этих пристальных любопытных взглядов.

Вдруг что-то шевельнулось в груди Франка, причем в пользу этого старика, и он на мгновение забыл о своем страхе.

– Знаете, я тоже очень часто испытываю подобное,– воодушевленно проговорил он,– я ведь частично парализован.

– Так,– проговорил мужчина, быстро встал, схватил чашку и сполоснул ее в миске с холодной водой. Он неожиданно резко повернулся к Франку, подкидывая мокрую чашку в воздухе.

– Парень,– горячо проговорил он,– ты никогда не должен бояться людей, в противном случае ты исковеркаешь себе жизнь. Поскольку ты посмел незаконно ворваться в мои владения, тебе придется выслушать меня.

У Франка не было другого выхода. Кружка взд и вперед маячила перед его носом.

– Для людей лучшей защитой является нападение,– пролаял он. – И если ты из-за своей внешности чувствуешь себя несчастным, то не забывай о

том, что и им не очень-то хорошо в своей шкуре. Может быть, они толстые или косоглазые, или может, не очень умные, или у них такой нос, как у меня.

Его голос звучал все громче.

– Ты смотри им прямо в лицо и думай о том, что каждый из них тоже страдает от какого-то недостатка.

Вдруг он весь как-то сжался на стуле, прикрывая лицо руками.

– Однажды мне кто-то об этом сказал, и я попробовал поступать так всю свою жизнь, но, к сожалению, у меня не получилось. Подумай об этом, парень, иначе ты останешься таким же одиноким стариком, как и я.

Он отнял руки от лица и проговорил совершенно иным тоном:

– Хочешь, я тебе чемпиона подарю?

Перед внутренним взором Франка предстал чемпион бокса, и он молча спросил себя, что же на это скажет отец, если он приведет его домой.

– Пошли со мной,– повелел старик,– я тебе кое-что подарю на память о сегодняшнем дне.

Франк последовал за ним, горько усмехнувшись про себя. В действительности ему ничего не нужно было на память: этот кошмар он никогда не забудет.

Они вышли из жилого прицепа и повернули за угол. На какое-то мгновение Франку показалось, что он очутился в большом городе, и что по обеим сторонам его стояли многоэтажные дома. Наконец он понял, что это не дома, а клетки. Они рядами, одна за другой, стояли вдоль забора и задней стенки прицепа, а улицей этого большого города служил узкий проход между клетками.

В них возились морские свинки различной величины. Увидев старика, они бросились в его сторону

на проволочную сетку, взбираясь по ней наверх. Они визжали в знак приветствия – это был настоящий Содом.

„Вот что слышал старый Ханнес Леммерих“, – подумал Франк.

– Это одни из самых знаменитых в стране морских свинок, – гордо пояснил старик, – это не простые свинки. Когда где-нибудь в стране устраиваются большие выставки, я посылаю их туда. Все эти серебряные кубки, которые ты видел в прицепе – это они выиграли. Я получил за них больше наград, чем какой-либо другой зверовод в стране.

– А как же вы попадаете на эти выставки, если не сопровождаете их?

– Звероводы вроде меня не могут разъезжать со своими зверьками по всей стране. Нет, мы помещаем их в маленькие деревянные ящички, какие ты здесь видишь, и отправляем их поездом. А ответственные за выставку получают их.

– А как же свинки на это реагируют, им не страшно?

– Нет, нисколько! Мне кажется, им это даже нравится. Перед отправкой я даю им хорошую порцию их любимого блюда. А когда они возвращаются со своими наградами – они получают размешанное в молоке яйцо. Тогда они чувствуют себя настоящими чемпионами.

Он с любовью смотрел на этот маленький городок.

– Они не обращают внимания на мое безобразное лицо, – проговорил он, открывая дверку одной из клеток. – Это – „Цезарь“, – гордо продолжал он, – прадедушка всего выводка. Он трижды чемпион. Погляди-ка на его окраску: белая, золотисто-коричневая и черная. Эти прямоугольники, собирающиеся по направлению к спинке! Ты только взгля-

ни, какой у него настоящий римский нос и огромные уши! Неповторим, он просто неповторим!

Другие свинки в соседних клетках были той же окраски, но этот гордый зверек был и впрямь настоящий „Цезарь“.

– Конечно, я выращиваю довольно много этих морских свинок, но оставляю себе лучшие из лучших. Молодняк с каким-либо недостатком я отсылаю в зоомагазин. Себе же я оставляю красивейшую пару для размножения и выставок. Посмотри-ка сюда!

Он открыл другую клетку, где находилось шесть прекрасных молодых зверьков. Они были не больше мыши.

– Видишь эту самку, которая чешет за ухом? Она обязательно станет чемпионкой, а остальные...

Они направились дальше. Вдруг Франк заметил, что на него уставилась пара коричневых заспанных глазок. Розовый носик доверчиво обнюхивал его, и Франк тут же понял, что этот зверек завладел его сердцем.

– А как этого зовут? – спросил он.

– Это Петька, внук „Цезаря“; на прошлой неделе он стал победителем на выставке. Ты можешь его взять.

– Взять? – недоверчиво переспросил Франк. – Он может остаться у меня?

– Я же тебе говорил, что хочу что-нибудь подарить тебе на память о сегодняшнем дне, – недовольно ворчал старик. – Вот в этой старой клетке ты сможешь донести его до дому. Только давай ему ежедневно немного отрубей и молотый овес, а весной побольше зелени, особенно травки. Он тебе много радости доставит, этот малый.

Пристегивая ящик на спину Франка виде рюкзака, он спросил:

– Парень, как звать-то тебя?

Когда Франк назвал себя, наступило удивленное молчание. С выражением страха на лице старик отступил к забору.

– Значит, ты один из тех Шеферов, что живут в Черном Углу? – произнес он чужим сдавленным голосом. – Тогда давай-ка, руки в ноги и гони отсюда, чтобы я тебя больше не видел!

В следующее мгновение Франк очутился на улице, и калитка с грохотом захлопнулась за ним.

Необычное открытие

– Иди сюда, Петька, я тебе сочной капусты принес.

Франк просунул кусок капусты через решетку, и Петька жадно накинулся на нее. Он устроил себе „столовую“ в передней части клетки; благодарно поглядывая на Франка своими коричневыми глазами, он уплетал свое лакомство, бойко работая острыми передними зубами.

Он быстро обжился в своей новой клетке. Франк поставил ее в маленьком деревянном сарае, называемом в семье „сбруевым“, который уже давно не использовался по назначению. Напоследок мать оседлала в нем свою большую черную лошадь. Это было одиннадцать лет назад, но, несмотря на это, в сарае все еще хранились седла и сбруи, и в нем пахло кожей, лошадьми и льняным маслом.

Франк сидел на перевернутом деревянном ведре, наблюдая, как Петька ест. Был воскресный послеобеденный час, и делать ему было нечего. События субботнего дня настолько взволновали его, что в результате этого он чувствовал сегодня полный упадок сил и настроения.

– До чего же все-таки воскресенье длинный и то-скливый день,— вслух проговорил он,— да еще и дождь начинается.

Воскресные дни для Франка тянулись мучительно долго, к тому же его постоянно досаждало чувство голода. Фрау Фурман по выходным дням никогда не приходила, а отец почти целый день валялся в постели. Только в обед он поднимался, чтобы вскрыть консервную банку к обеду. Обычно это была вареная фасоль, а вечером – черствые булочки с вареньем. Да, воскресенье было длинным и голодным днем.

„Другие дети сейчас, наверняка, в воскресной школе,— думал Франк,— счастливы, их знакомят там со всем, что касается Бога!“ — вздохнул он.

Для Франка Бог был великой тайной, ибо никогда за всю свою жизнь он не имел возможности поближе с Ним познакомиться. Он хорошо помнил, как отец сказал тогда тете Хильде: „Запомни, Хильда, я не хочу, чтобы моему сыну говорили о Боге“.

Как Франк радовался, когда пришло время идти в школу, и лишь потому, что надеялся там что-то услышать о Боге; но в первый же день занятий отец сам повез его в школу и долго беседовал с учительницей, г-жой Клаар, которая втихомолку разделяла его взгляды о Боге. Поэтому, во время утреннего чтения Слова Божьего и молитвы Франку приходилось сидеть в гардеробе школы, читая там какую-нибудь книгу. И как бы он ни напрягался, надеясь услышать хоть что-нибудь из того, что говорилось по ту сторону плотно закрытой двери, ему это не удавалось.

Со временем его любопытство только еще более возросло, пока в один прекрасный день он не спросил Адалберта:

— Скажи, Бог — это вещь или личность?

Адалберт задумчиво почесал свою лысину, говоря, что он и сам толком не знает.

— Но,— добавил он,— многие люди здесь в округе утверждают, что гнев Божий падет на твоего отца, потому что он воспитывает тебя безбожником. — Адалберту нравилось повторять чужие слова. — Однако, на меня падет гнев твоего отца, если я расскажу тебе еще больше. Поэтому, иди-ка и подумай о чем-нибудь другом.

Франк пробовал „думать о чем-нибудь другом“, но это странное „что-то“ под именем Бог очаровывало его. Однажды он был в библиотеке в Дилфин-

ге – соседнем городке- и перебирал много книг на пыльных полках, мимолетно заглядывая в них, читая об археологии или же о том, как можно научиться плести корзины, но в них не говорилось и полслова о Боге. В конце концов, преодолев свою стеснительность, он спросил об этом у Сибиллы. Она презрительно оглядела его, как, впрочем, только она это могла, и сказала: „Итак, Франк, если ты этого до сих пор еще не знаешь, тогда и я тебе не скажу“.

С Хайде ему тоже не повезло, так как после его вопроса на нее напал свойственный ей приступ смеха.

После подобных неудачных попыток он уже не решался спрашивать об этом кого-нибудь в школе. Зато он однажды отправился к пастору и долго прохаживался взад и вперед перед его домом, не решаясь войти. Пастор был уже совсем старым и глухим, и Франку просто не удалось прокричать ему все свои вопросы в большую старомодную слуховую трубку. Домой он вернулся к ужину, мучимый в свои одиннадцать лет любопытными вопросами.

Было нестерпимо холодно. „Наверное, мне лучше пойти погреться у камина“, сказал он Петьке, невозмутимо свернувшись в клубок и не обращающего на него внимания.

– Ну, спокойной ночи, – пробормотал Франк, несколько разочарованный невниманием Петьки; но тот, довольно кряхтя, свернулся еще туже.

С высоко поднятым воротником Франк поспешил через двор, борясь с безжалостным мартовским ветром, воющим с высот каменных стен. Пробегая мимо дровяного сарая, он вспомнил, что отец просил его принести охапку дров. Он быстро прошмыгнул вовнутрь и тут же почувствовал приятный запах сложенных в поленицу дров.

Адалберт рубил дрова лишь тогда, когда находился в отвратительном настроении, и поэтому сарай был обычно полон дров. Но после того, как отец повысил ему заработок, он уже месяцами был в приподнятом настроении, и в этот полдень сарай был почти пуст.

Безучастно спотыкаясь, Франк собирал остатки дров и вдруг наткнулся на что-то, вовсе не похожее на полено. Присев, он принялся вытягивать какой-то старый мешок, в котором находилось что-то большое, четырехугольное. „Похоже, что это ящик,— прошептал он, и от волнения у него перехватило дыхание. — Может, это запрятанный клад, и мы сможем в каникулы съездить за границу или купить спортивную машину“.

Он с усилием рвал эту мешочную ткань, но она была старой, затвердевшей и плохо поддавалась. „Что же там может быть? И довольно тяжелое, возможно, это золотые монеты или драгоценные камни“. Наконец, мешок поддался, и его содержимое глухо бухнулось на пол.

Вначале Франком овладело ужасное разочарование. „Это всего лишь старая обугленная книга“, — пробормотал он. „Но где же я ее уже видел?“ И тут его разочарование сменилось неопишуемой радостью. Он забыл о ценностях и спортивной машине, о голоде и холоде; он нашел то, что искал уже долгие месяцы — книгу, которая лежала здесь спрятанной со времени той страшной, бушующей ночи, когда его отец навсегда исторг Бога из своей жизни. Внешний вид книги был жалким, но Франк тотчас узнал в ней ту, по фотографии в зале. Это несомненно была прабабушкина Библия, казавшаяся навсегда потерянной, с металлической обшивкой и пряжками.

С минуту он глядел на нее, сидя на дровах. Те-

перь, когда он ее нашел, ему страшно стало до нее дотронуться – вдруг она опять исчезнет! Затем он осторожно открыл ее черную обложку и обнаружил фотографию. Это была аккуратно вклеенная фотография его прабабушки, на которой она была изображена еще девушкой с длинными черными волосами. Под ней старомодным почерком она написала свое имя, и на той же странице что-то уж совсем странное: „Иакова 4, стих 8. Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам“.

Что бы это должно означать: „Иакова 4, стих 8“? Во всяком случае, это звучало странно. Но вот дальше: „Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам“ – это уже скорее можно было понять.

Это означало, что надо придти к Богу, чтобы познать Его; а если Он затем идет к тебе навстречу, то Он ведь должен быть Кем-то, то-есть Личностью.

Его охватила неопишное чувство радости.

– Наконец-то,– сказал он,– я смогу узнать все о Боге, все, что меня интересует.

Дрожащими пальцами он переворачивал одну страницу за другой. Некоторые страницы были так опалены, что невозможно было что-то прочитать, другие же остались совершенно целыми. Он встал, прижав Библию к груди, готовый одновременно рыдать и смеяться, кричать и петь.

„Я возьму ее в „сбруевый сарай“,– сказал он,– „и прочту каждое слово, которое еще можно прочитать, пока я действительно не узнаю все“.

Теперь им двигало нечто большее, чем простое любопытство; ковыляя через двор, ему казалось, что его охватила невидимая сила, подгонявшая его узнать все, что он так страстно хотел знать. Он уселся на свое старое перевернутое ведро, открыл книгу и принялся читать. Словно гром, прозвучали

для него великие слова: „В начале сотворил Бог небо и землю“.

Перед его духовным взором открылось, как Он совершал это; ибо всегда, когда он что-либо читал, воображение рисовало ему картины прочитанного; так было и сейчас. Перед его глазами возникли небо и земля. Он представил себе, как Бог, придав земле форму шара, бросил ее во вселенную. Он видел, как Он создал океаны, очертил контуры континентов и островов – точно так же, как Франк сам рисовал их на уроке географии. Потом он видел, как выросла трава, появились птицы и огромные киты и наконец, – сам человек.

„Надо же!“ – и Франк судорожно глотнул, а его глаза удивленно округлились. – „Какой же Он великий и сильный, этот Бог. А почему прабабушка написала, что надо приблизиться к нему? У меня ни за что не хватило бы смелости приблизиться к тому, кто так велик. Возможно, Он даже не знает о моем существовании“.

Он читал дальше и от волнения едва мог перелистывать страницы. Когда он дошел до того места, где змей разговаривал с Евой, руки его от страха сжались в кулаки так, что ногти впились в пальцы – настолько велико было его желание помешать Еве взять запретный плод. Но тут он услышал отца, звавшего его к ужину.

Виновато спрятав книгу под ведро, он провел беспокойный вечер, сидя на краю прабабушкиной качалки. Хоть бы отец не заметил его волнения! К счастью, отец, как всегда, слишком углубился в чтение журналов по сельскому хозяйству, чтобы заметить что-либо.

На следующее утро, едва дождавшись конца завтрака, он понесся в „сбруевый“ сарай. Не успел он покормить Петьку и прочесть о том, как Адам и Ева

были изгнаны из рая, как заметил, что уже поздно, и он может опоздать в школу.

Всю дорогу он несся так быстро, насколько позволяла ему хромяя нога; наконец, вспотев и тяжело дыша, он стоял у дверей классной комнаты.

„Надо же,— вздохнул он, услышав за дверьми таблицу умножения. — Я опоздал, уже идет арифметика“. Он открыл дверь и прошмыгнул в класс.

Обычно на опоздавших мало кто обращал внимание, но сегодня случилось что-то из ряда вон выходящее. В классе вдруг водворилась гробовая тишина. Все уставились на него. Карандаши и книги попадали на пол, малыши уронили свои грифельные дощечки.

— Ну,— вымолвила г-жа Клаар, снимая очки,— после всего того, что я наслышалась о твоих субботних приключениях, я уже не ожидала увидеть тебя в школе.

Некоторые ученики вновь принялись за прерванную работу, из-подтишка наблюдая за Франком, будто он был вновь ожившим Виннету. Позже Хайде рассказала ему, что Хорст изображал из себя героя и всем хвастался о своем поступке. Он, Хорст, будто бы геройски вернулся, чтобы спасти Франка, но услышал такие страшные крики и стоны, что ему снова пришлось убежать. „Я-то знала, что он врет, но другие ему поверили“,— со смешком добавила Хайде.

Как только зазвонил звонок на перемену, Франка тут же окружили в школьном дворе ученики. Вся школа терлась возле него, все одновременно засыпали его вопросами. Ему просто не верилось, что он, никчемный маленький Франк, который обычно околачивался где-то в сторонке, оказался теперь в центре внимания. Рассказывая о своих приключениях, он чувствовал себя, как Хорст, и все внимали

ему с открытыми ртами, дабы не пропустить ни словечка из сказанного, все, кроме двух маленьких, толстеньких дочерей фрау Фурман, которые без конца восклицали: „О, Франк! Какой же ты смелый! Ах, какой ты храбрый!“

– А потом он заставил меня выпить кофе из своей старой проржавевшей кружки,– с удовольствием продолжал Франк.

– А кофе был отравленный? – перебил его Себастиан.

– Дурак ты, конечно же нет, иначе он был бы сейчас мертвый,– насмешливо проговорил Хорст.

– Ах да, верно,– робко согласился Себастиан. И тут же, забыв, продолжал,– рассказывай дальше, Франк.

– Но тут он вдруг начал рассказывать, что...

Франк прервал себя. Нет, скорее он откусит себе язык, чем им скажет. В конце концов, они все убежали и оставили его одного там, на заборе.

– Он мне рассказал много интересного, но это тайна между нами – и как его ни уговаривали, все их старания были напрасны.

О морских свинках он им рассказал; но он чувствовал, что другое они не поймут: о том, что каждый человек по какой-то причине чувствует себя не совсем уверенно.

В этот день он был всеобщим любимцем в школе. Роберт подарил ему шоколадку. Сибилла награждала его очаровательными взглядами, которые до сих пор посылала только Хорсту. Даже сам Хорст, похлопывая его по плечу, говорил:

– Я бы не поверил, что ты полезешь на лестницу. Я всегда думал, что ты маленький, ничтожный человечек.

Бедный Себастиан так страдал от стыда и сожаления, что являлся причиной случившегося несча-

стья, что две ночи подряд плохо спал и часто плакал во сне. Утром, как и всегда после беспокойно проведенной ночи, волосы на его голове торчали, как телевизионная антенна.

Как уже было сказано, это был для Франка самый прекрасный день, который ему когда-либо пришлось пережить в школе. „Но,— думал он, вновь сидя на последней скамейке и радуясь своей тайне,— если бы они знали, что я вчера нашел! Тогда морские свинки не показались бы им такими необычными!“

После обеда пришло столько детей посмотреть на Петьку, что у него не было возможности почитать Библию.

Со временем дела в школе снова пошли по-старому, все забыли Франка, и он опять одиноко стоял в школьном дворе. Он прилагал все усилия следовать совету старика, пробовал смотреть людям в глаза, не думая о том, что они про него подумают, но это ему удавалось не лучше, чем старику, и он сдался.

Уроки физкультуры приносили ему особенно много неприятностей. Он чувствовал себя очень неуверенным и неловким, так как не мог, как все другие, вдоволь наиграться. Брат г-жи Клаар три раза в неделю проводил у них занятия и доводил их до изнеможения. Он, вообще-то, был артистом, но с удовольствием приходил в школу, „зарабатывать себе на хлеб“, как он любил выражаться. У него был громкий красивый голос и волосатые ноги. Кроме того, он очень любил стрельбу из лука и так увлекался этим видом спорта, что заразил своей любовью учеников, так что стрельба из лука стала их любимым занятием. Франк лишь со стороны наблюдал, как другие уверенно выпускали в цель стрелы из лука. О, если б он хоть что-нибудь умел!

Во время уроков физкультуры он обычно отсиживался в классе, пробуя читать какую-нибудь книжку. В отчаянии, он едва сдерживался, чтобы не швырнуть ее в сторону. Единственное, что его утешало – это книга, спрятанная там, под ведром. Каждый день он спешил домой, чтобы продолжить чтение.

„Ничего себе, – подумал он, прочитав историю об Аврааме, – подумать только, как он запросто разговаривает с Богом и даже назван Им другом! Это, должно быть, было тогда здорово! Бьюсь об заклад, что сегодня вряд ли кто решится так запросто разговаривать с Богом“.

Дикая Басти

С Петькой было что-то не то. Был первый день Пасхи и Франк, озабоченно нахмурившись, примостился возле клетки. Уже несколько дней его любимец не хотел есть, а теперь он забился в дальний угол клетки и жалобно поглядывал на Франка.

– Ты мой маленький, – Франк с любовью погладил Петьку по шелковой головке. – Схожу-ка я к Адалберту, спрошу у него совета: он все про зверей знает.

Адалберт как раз убирал навоз в хлеву Хораца. Хорац – бык, от которого Франк и его отец старались держаться на почтительном расстоянии. Однако, он был гордостью Адалберта, и эти двое прекрасно понимали друг друга.

– Адалберт, – позвал Франк, стоя подальше за дверью сарая, – с моей свинкой творится что-то неладное.

Из-за широкой спины огромного животного появилось загорелое лицо Адалберта.

– Ах вот как, мое сердечко, – прокряхтел он своим несмазанным голосом, – тогда мне придется его осмотреть. – Он подвинул быка, словно это была собачка, и заковылял через двор на своих кривых ногах, бесцеремонно вытирая руки о штаны.

Внимательно понаблюдав за Петькой, он тихо свистнул и затем сказал:

– Этот паренек тоскует от одиночества, ему нужна самка. Мне это ясно с первого взгляда, и на твоём месте я сегодня же утром поехал бы с отцом в Дилфинген, в зоомагазин, и купил бы ему самую симпатичную самку.

Их вездеход трясся по разбитой дороге. Франк, словно свеча, сидел впереди, рядом с отцом. На ко-

ленях он держал ящик с опилками и морковку, а в кармане был весь его денежный капитал – три марки и тридцать семь пфенигов – сбережения всей его жизни.

– Белая тоже неплохо выглядит,– рассуждал он,– или Петьке больше понравилась бы шелкови-сто-черная? Во всяком случае, супруга чемпиона должна быть красивой.

Он с нетерпением ожидал конца этой поездки. Почему это не спортивный автомобиль, а всего лишь вездеход? Краем глаза он посматривал на своего отца, молчаливо сидящего за рулем и, уже наверное в сотый раз, задавал себе один и тот же вопрос: как он посмел восстать против такой могучей личности, как Бог? Во всяком случае, это не сделало его счастливым. На его лице появились морщинки, которых он не замечал у других отцов, и выражение грусти не оставляло лицо, даже когда он смеялся.

Наконец-то они грохотали по каменистой дороге маленького городка. В то время как отец, поставив машину возле памятника какому-то вояке, направился в сторону скотного базара, Франк скрылся на соседней улице в поисках зоомагазина. После долгих поисков и расспросов, он, наконец, стоял перед обшарпанным зданием. В первой витрине сидел грустный, довольно сильно поврежденный молью кролик, но рядом, в другой витрине стояла большая клетка, в которой у корытца с едой толпилось множество морских свинок. Они нахально толкали друг друга, пытаясь занять лучшее место.

Франк вошел в этот маленький темный магазин, где продавец, нагнувшись, рылся в мешках с кормом для собак. Видя, что тот не предлагает ему свои услуги, Франк напрямик направился к клетке и заглянул в нее. В тот же момент, зверьки, бросив

еду, испуганно забились в угол. За исключением одного, который с удовольствием продолжал есть, поглядывая на Франка лукавым, черным, блестящим глазом.

Что-то располагающее к доверию нашел он в этом зверьке. Он задумчиво смотрел на него. „Он мне кого-то напоминает, только кого?“ Ему показалось знакомой эта манера подергивания носом, этот пучок коричневых волос, торчащих на голове, эти уши. Они были огромной величины, ярко-красного цвета и торчали с обеих сторон головы.

– Себастиан! – тихо воскликнул Франк. – Это же его копия.

Так оно и было.

„Это то, что мне надо“, – подумал он. – „Но почему, однако, именно его? Он самый некрасивый из всех. Петьке, наверняка, больше понравится та, серебристая, или та, черно-белая“. Но его глаза постоянно возвращались к „Себастиану“, и он знал, что именно этот зверек является тем, о чем он мечтал.

– Сколько они стоят? – спросил он угрюмого продавца.

– Три марки, – ответил тот, на минуту устало оторвавшись от своих мешков.

– Мне нужна самка, – попросил Франк, слабо улыбаясь и стараясь хоть немного развеселить этого мужчину.

– Это все самки, – еще угрюмее ответил тот.

– Тогда я хотел бы взять ту, коричневую, – решил Франк, указывая на „Себастиана“.

– На твоём месте я бы её не брал. Посмотри-ка! – перед носом Франка замаячил перевязанный палец, – какая она дикая! Я бы не удивился, если бы узнал, что в её родословной замешана крыса. Почему ты не хочешь ту беленькую красотку?

Франк посмотрел на нее, как она, сидя в углу, чистила свою шерстку. Уж очень она походила на Сибиллу.

– Нет, спасибо,– твердо сказал он,– я возьму ту, коричневую, и попробую ее приручить.

– Конечно, ты можешь попробовать, но вряд ли тебе это удастся. Не говори только потом, что я тебя не предупреждал.

Со словами такого мрачного пророчества он отправился за парой толстых рукавиц.

– У меня нет желания потерять еще один палец,– проворчал он, пересаживая сопротивляющегося зверька в ящик Франка, где он сердито царапался и на всем обратном пути карабкался по стенам.

– Ее звать Себастина,– сообщил Франк отцу, но я буду звать ее „Басти“.

„Что же мне делать, если они не сживутся друг с другом,– подумал Франк, подходя к „сбруевому“ сараю. Может, они будут ненавидеть друг друга, как г-н и г-жа Фурман.

Его сердце забилося, когда он открыл дверку и всунул в нее Басти. Петька сердечно поприветствовал ее, выражая свою радость визгом, но Басти не обратила на него ни малейшего внимания. Она набросилась на остатки еды, жадно съедая их. В одно мгновение все исчезло, и Франку пришлось принести еще чашку отрубей и овса. Не успел он обернуться, как Басти проглотила и это.

– Она, к тому же, еще и жадная, как Себастиан,– засмеялся Франк и побежал к дому г-жи Фурман за капустными листьями.

Со все растущим удовольствием Басти жрала целый день и лишь один раз оторвалась от еды, чтобы сердито взглянуть на Адалберта, пришедшего посмотреть на нее.

– Ты ее ни за что не укротишь,– был его окончательный приговор.

– Ну, вот еще; я постараюсь,– сказал Франк,– и уже завтра утром займусь этим.

Если Франк был полон упорства, то и у Басти его было не меньше. Утром, как только он открыл клетку, чтобы причесать ее щеткой и сделать ее наружность более привлекательной, она использовала эту единственную возможность изучить „сбруевый“ сарай. Резко развернув свое толстое тело, она выскользнула из его рук и спрыгнула на пол, так что Франк все утро гонялся за ней, словно за ртутью. Ему показалось, что это доставляло ей великое удовольствие, потому что стоило ему отступить и поставить ей еду, как она тут же прибегала к нему.

То же самое повторилось и после обеда, а к вечеру Франк устал, как избитая собака, да и Петька тоже, ибо Басти вообще не достаивала его своим вниманием. Кроме того, она съедала его порцию еды, прежде чем он успевал притронуться к ней.

После ужина Франк принес в сарай охапку душистой свежей травы, обеспечив их на ночь едой. Однако, когда он уже хотел было всунуть траву в клетку, он вдруг остановился, как замороженный, и пристально уставился в нее. Он увидел нечто ошеломляющее,– но нет, может быть, ему все это только показалось. Петька гордо похаживал взад и вперед, будто он только что выиграл серебряный кубок, тогда как Басти сидела в темном углу и вдруг выглядела очень веселой и довольной. Наблюдая за ней, Франк заметил, что рядом с ней шевелилось что-то маленькое, беленькое.

– Не может быть,– сказал он,– но это же правда.

Он выбежал из сарая, пересек двор и бешено заколотил в дверь Адалберта. Тот как раз жарил

себе сало на ужин и испуганно посмотрел, как Франк, неуклюже ковыляя, ввалился к нему в комнату.

– Мне кажется..., Басти принесла маленького,– выпалил тот. – Идем, посмотри-ка сам.

– Так, так,– мудро произнес Адалберт, подражая при этом доктору Хардеру, когда его в экстренных случаях вызывали к роженице. Он надел свою лучшую воскресную шляпу и пошагал через двор.

Точно так же, как и доктор, он откашлялся и проговорил „хм, хм“. Подойдя к „кровати“, он посмотрел на Басти и лежавший рядом с ней белый комочек и промолвил:

– Дай ей чуточку теплого молока, хлеба и немного сырой картошки. Затем оставь их до утра. Они перебьются,– деловито добавил он. Непрестанно покашливая, он вернулся к себе.

Франк проснулся еще затемно, с нетерпением ожидая, чтобы поскорее рассвело. Едва рассвело, как он уже снова был в сарае. Вначале он ничего не мог разобрать, но потом из темноты клетки отделилось что-то белое и заковыляло на неокрепших ножках навстречу Франку. Это белое создание с любопытством уставилось на него, и не успел Франк просунуть палец, чтобы погладить его, как из темноты приковыляло второе такое же создание. Оно было тоже белым, но с коричневыми пятнами на спине. В завершение пришло еще одно: маленький, коричневый последыш – точная копия Басти. У зверька были большие уши, еще более красные, чем у его матери.

Эти пасхальные дни были переполнены счастьем. Франк почти не покидал „сбруевый“ сарай и вершиной его счастья было, когда он, сидя на ведре, читал свою Библию. Тогда Петька обычно спал в его кармане, малыши ползали по его ногам, а

ставшая совершенно ручной Басти мирно дремала на его коленях.

Франку казалось, что он никогда еще не читал ничего более интересного, чем эта старая Библия. Но чем больше он читал про Бога, тем больше он запутывался. Что делает Бог сейчас? Он, конечно же, не шел в столпе огненном и не делил надвое море и не топил целые армии,— если бы Он делал это, о Нем заговорил бы каждый.

Его любопытство так возросло, что в одно воскресное утро он прокрался к церкви, чтобы подслушать, о чем там говорилось; но он не смог ничего услышать, кроме дрожащего голоса пастора, в длинной речи которого он не услышал ничего конкретного.

— Эту тайну я еще открою,— поклялся себе Франк и продолжал усердно читать дальше.

Пустая клетка

Однажды, в последние дни каникул, Франк пробовал читать сильно обуглившиеся страницы одной книги Библии под названием „Книга судей“, как вдруг услышал громкое топанье тяжелых ног, направлявшихся к сараю. Он спрятал Библию и снова сел. Он уже приготовился увидеть массивную фигуру Хораца, проходящего мимо дверей, как в них возник Себастиан с глупой улыбкой на лице. Франк обрадовался, увидев его, так как несмотря на свою сдержанность, он уважал Себастиана.

– Я решил забежать к тебе и посмотреть на твоих морских свинок,– сказал он. – Ах вы, миленькие! Сколько их уже у тебя?

– Ох, я купил Петьке самку и сразу же на другой день она принесла троих,– гордо объяснил Франк.

Себастиан уселся на пол возле клетки, чтобы лучше разглядеть эти достопримечательности. „Узнает ли он себя в ней?“ – подумал Франк, садясь рядом с ним.

– Малыши такие миленькие,– восторгался Себастиан,– но мать довольно некрасивая, правда ведь?

– Она просто невзрачная,– ответил Франк, с трудом сдерживая серьезное выражение лица.

– У нее ужасно большие уши,– продолжал Себастиан,– как звать ее?

– Себастина.

На прыщеватом лице Себастиана появилось выражение восторга.

– Как смешно, это ведь почти мое имя! У малышей уже тоже есть имена?

– Да, эту бело-коричневую звать Ева, белую я зову Сарра, а самого маленького, который похож на

мать – Тиан.

– Это тоже очень похоже на мое имя,— сказал польщенный Себастиан. – Уверяю тебя, что ты даже и не заметил, что назвал их именами, похожими на мое!

От удовольствия он так похлопал себя по ляжкам, что его широкие вельветовые штаны зашелетели; и оба засмеялись почти до слез – только по разным причинам.

– Я зашел к тебе поболтать лишь потому, что был так расстроен,— прыснул он,— но я не умею долго грустить.

– Почему же ты загрустил? – спросил Франк, все еще держась за бока.

– Да-а, мои кузины из Глазштадта...

– Они умерли или больны?

– Нет, они завтра приезжают к нам в гости. Они ужасные вообразули, потому что у их отца больше денег, чем у моего. У них всегда есть что-нибудь, чем повообразать. В последний приезд они привезли с собой электрическую железную дорогу, перед этим была модель яхты, а кроме того, у них есть комплект „конструктора“, да еще и с электромотором.

Отец Себастиана работал в лесу и большую часть своего заработка оставлял по субботним вечерам в Дилфинге. Поэтому на новые ботинки Себастиану почти никогда не оставалось денег, не говоря уж об электрической железной дороге.

– И когда те приезжают, я всегда чувствую себя таким бедным и глупым.

Франку припомнились слова безобразного: каждый человек из-за какого-то недостатка чувствует себя неловко.

– Если б у меня было что-то такое, чем я мог похвастаться перед ними – вздохнул Себастиан. –

Ох, я чуть не забыл, что мне еще нужно сбежать к господину Михелю за продуктами. По крайней мере, ужин у нас всегда приличный, когда они приезжают.

На следующее утро Франк проснулся только в десять часов. Это был последний день каникул, и он хотел воспользоваться такой возможностью для того, чтобы подольше поспать. „Чем мне сегодня заняться?“ – подумал он, плотнее укутываясь в одеяло. – Может, мне клетку вычистить и продезинфицировать тем составом, который мне обещал Адалберт. Затем я поищу свежей зеленой травы и набью ею клетку. Это будет настоящим праздником для всего семейства“.

Он быстро оделся и наскоро поел овсяной каши, которую отец приготовил четыре часа назад.

Уже подходя к дверям „сбруевого“ сарая он почувствовал что-то неладное – он не услышал обычных диких приветственных визгов. В помещении стояла мертвая тишина. Его сердце учащенно забилося. И точно: дверь клетки стояла открытой, а клетка была пуста.

– Не может быть, – прошептал Франк. – Я не переживу этого.

В отчаянии он позвал Адалберта, который тут же прибежал, насколько позволяли это его кривые ноги.

– Да, мальчик, – печально сказал он, – ты, вероятно, вчера вечером забыл закрыть дверь.

– Тогда они должны быть здесь, внутри, они ведь не могли убежать из сарая. – Франк стал лихорадочно искать между сбруями и седлами.

– К сожалению, я сегодня утром заметил, что дверь была открыта, – сказал Адалберт, печально почесывая нос. – Мне очень жаль, мальчик, но похоже, что ты их не найдешь. Дворовая кошка не-

равнодушна к крысам, да и собаки тоже.

С видом сожаления он пошел обратно в хлев, к Хорацу, оставив Франка, который все еще беспоконно оглядывался вокруг, надеясь их увидеть.

– Если даже одна из вас осталась в живых, я ее найду!

Он обыскал все в коровнике, в дровяном сарае, в гараже для трактора. В самом „сбруевом“ сарае он перерыл все, что только можно было; в то время, когда он так упорно искал, их дворовая кошка, греясь на солнышке, нахально облизывалась.

Наступил полдень. Разбитый и усталый, Франк уселся на пустую клетку и крупные слезы полились по его щекам.

– Постыдись, Франк Шефер,– со злостью сказал себе Франк.

– Взрослый мальчик, одиннадцать лет, собирает-ся в сентябре идти в гимназию, а ревет, как младенец!

Ему было очень стыдно, но слезы ручьем текли по его лицу.

За ужином он даже не хотел попробовать лакомого рулета, принесенного фрау Фурман, и отец озбоченно поглядывал на него.

– Франк, мой мальчик, а что, если в субботу мы еще раз съездим в Дилфинген и купим парочку новых зверьков?

– Нет, печально отказался Франк. – Я любил Петьку и маленькую жадную Басти, и Тиана, и других; их никем не заменишь. Я хочу их еще раз поискать.

– Хорошо, мой мальчик,– ласково ответил отец.
– Сегодня я помою посуду.

– Мне кажется, отцу было еще больнее, когда на него свалилось одно несчастье за другим,– думал Франк, идя через двор,– хотя, что может быть хуже,

чем то, что случилось со мной?

Он сел на свое ведро, но даже не находил в себе сил почитать прабабушкину Библию.

Франк только было собрался встать, чтобы отправиться спать, как вдруг открылась дверь, и на пороге возник Себастиан. Его лицо сияло, а под рукой он держал какой-то ящик.

– А-а, вот ты где,– произнес он. – Я принес их тебе обратно. Я устроил так, будто они принадлежали мне, и мои кухни сгорали от зависти. Я подумал, что ты не будешь против.

Всегда такой спокойный, Франк вдруг потерял над собой контроль. Его охватила злость, он весь дрожал.

– Как ты посмел! Как ты посмел! Как ты посмел! – шипел он сквозь сжатые зубы. – Как ты мог такое сделать? Я бы тебе сейчас с удовольствием... шею свернул!

Как- будто издалека звучал голос Себастиана:

– Франк, не сердись. Я не знал... я...я не подумал..

– Ты не подумал,– кричал Франк,– я бы дал их тебе на время, если ты попросил бы, но ты просто пришел и украл!

Он хотел схватить Себастиана, но взглянув на него, остановился. Сияющая улыбка исчезла с лица Себастиана, и вместо нее на лице было столько страха и раскаяния, что Франку стало смешно. Он смеялся так долго, что слезы выступили на его глазах, и он только корчился от смеха.

Себастиан смотрел на него, смутившись еще больше.

– Над чем ты теперь смеешься?

– Над твоим лицом,– сквозь смех выдавил Франк,– ты не представляешь, как смешно ты теперь выглядишь.

– Тогда ты больше не сердишься на меня? – спросил Себастиан, и неуверенная улыбка вновь появилась на его лице. – Ты снова мой друг?

– Да.

– Какое счастье, – вздохнул Себастиан с облегчением, опускаясь на ведро. – Ведь они имели такой успех! Игрушки моих кузин по сравнению с ними – ничто. Им не разрешают животных держать, они живут в многоквартирном доме. Я целый день хвастался перед ними свинками, а напоследок Себастина цапнула мою старшую кузину за палец – это было превосходно!

Он весело оглядывался вокруг, тогда как Франк не знал, что и думать.

– Себастиан, – сказал он в заключение, – ведь если серьезно подумать, то я бы должен тебя убить, я просто сам не знаю, за что я тебя уважаю.

Поведение Хорста в том школьном году было невыносимо. Все и так нервничали, ожидая результатов экзаменов, а тот выражал свое состояние тем, что еще более властно руководил всеми. Он мучил Себастиана и дразнил девчонок. Его слово было в школе законом для всех, и все жертвовали для него своим временем и частью карманных денег, не желая портить с ним отношения.

Однажды во время обеденной перемены весь старший класс собрался за велосипедным сараем. Сибилла чистила свои и без того чистые ногти, Себастиан устоялся куда-то вдаль, Роберт читал книгу о разведении поросят, а Хорст играл в гольф.

– Учитель гольфа сказал, что у меня большой потенциал, – гордо заметил он.

Франк не знал точно, что такое потенциал, но если это означало самомнение, то он был полностью согласен с учителем.

– О, как бы я хотела знать результаты экзамен-

ов,– вздохнула Хайде,– терпеть не могу ждать.

– Я знаю, что я не сдал,– сказал Себастиан,– у меня уж такое предчувствие было.

– Зато я уверен, что сдал,– сказал Хорст, опершись на палку для игры в гольф. – Мне всегда везет на экзаменах.

– Это потому, что ты – любимчик г-жи Клаар,– сказал Франк.

Наступило неловкое молчание. Никто не позволял себе так разговаривать с Хорстом – с Хорстом, вожакom группы, умнейшим и многообещающим мальчиком школы.

– Что ты сказал? – спокойно, с угрозой в голосе спросил он.

– Я всего лишь сказал, что ты – любимчик г-жи Клаар,– пробормотал Франк, жалея, что у него не хватает смелости заявить об этом погромче.

Хорст медленно направился к нему и угрожающе остановился перед самым носом Франка. Кривая, саркастическая улыбка играла на его лице.

– Знаешь,– сказал он,– если бы ты был немного повыше и чуть посильнее, мне бы доставило удовольствие тебя отдубасить; но связываться с таким бедным, несчастным калекой, как ты – ниже моего достоинства.

Франк резко отвернулся: этот сарказм ужалил его намного больше, чем удар. К счастью, в этот момент раздался звонок на урок. На всех следующих уроках Франк ничего не слышал. Он сидел, скрипя зубами от злости, сжимая от бессилия кулаки.

“Кто-нибудь когда-нибудь должен же проучить этого Хорста”,– была его единственная мысль.

После уроков г-жа Клаар попросила учеников старшего класса задержаться и взяла со стола конверт, выглядевший внушительно и официально.

– Я получила бумагу с заключением и результа-

тами экзаменов.

В классе наступила мертвая тишина. Хайде сжала оба больших пальца, лицо ее приняло выражение болезненного ожидания; Сибилла стиснула зубки; Себастиан заткнул уши пальцами; только один Хорст не терял самообладания.

– Хайде Фергузон – сдала.

Напряженное выражение спало с лица Хайде.

– Сибилла, ты тоже.

Лицо Сибиллы ничего не выражало.

– Роберт, ты тоже сдал, и ты – Франк Шефер.

Только в этот чудесный момент Франку стало ясно, как ему хотелось пойти учиться в гимназию.

– Себастиан, ты, к сожалению, провалил, – продолжала г-жа Клаар, – и что меня особенно огорчило и удивило, что Хорст тоже не выдержал экзамена.

Все ошеломленно молчали, никто не мог этому поверить. Потом, как по команде, все повернулись и посмотрели на него: он сидел злой, с пурпурно-красным лицом, а потом резко встал и сказал:

– Я так или иначе не намеревался идти в эту дурацкую гимназию. Я завалил нарочно. – С этими словами он покинул класс, захлопнув за собой дверь.

Франк едва мог дождаться той минуты, чтобы сообщить отцу, что он принят в гимназию. „Теперь он может гордиться мной“, – думал он, но отец только грустно улыбнулся и сказал:

– Хорошо, это даст тебе возможность стать служащим, когда ты вырастешь. Ты будешь первый из всех Шеферов, который не занимается сельским хозяйством.

После этих слов Франк уже было пожалел, что выдержал экзамены. От одной мысли, что придется в каком-то кабинете просиживать штаны, ему ста-

ло не по себе. Ему нравилось на свободе, на свежем воздухе. Но каким образом мог он со своей хромой ногой и слабой рукой работать в их усадьбе?

Обнаружен

Франку удалось высидеть положенное в школе время только благодаря тому, что он жил лишь для своих морских свинок и Библии. Малыши росли не по дням, а по часам и становились все прозорливее. Франк обеспечивал их горами свежей травы. Каждую неделю он чистил их щеткой, и даже Басти стала выглядеть ухоженной и красивой.

Проходили недели, и Франк с возрастающим интересом прочитывал в Библии одну главу за другой. Ему нравились все описанные в ней события, и его фантазия рисовала ему храбрых солдат и сердитых царей. Однако, очень многие страницы в ней стлели, так что порой приходилось пропускать одну за другой, и только кое-где можно было еще прочитывать слово или строку, или название книги.

– Ну, не досадно ли? – возмущался он тогда. – Так много важных страниц приходится пропускать. Если так будет продолжаться, я никогда не смогу точнее узнать что-либо про Бога.

Больше всех пострадала середина Библии, она как раз лежала открытой на середине перед тем, как была брошена в огонь.

– Здесь, ближе к концу, она выглядит гораздо лучше, – подумал Франк, читая ее как-то утром перед школой. – Так и есть, она становится все понятнее.

Так оно и было. Когда он добрался до Евангелия от Луки, он мог без труда читать каждое слово.

Вскоре все события, как обычно, предстали перед ним, словно живые. „Могу поспорить, что эта девушка Мария испугалась, когда оглянулась и увидела перед собой огромного ангела“. Он улыбнулся. „Ей, наверное, было страшно слышать, когда он сообщил, что ее Сын будет царствовать вове-

ки, и Царству Его не будет конца. Это ведь означает, что Он и сегодня еще должен быть жив“.

Читая дальше, он совсем сбился с толку. Он увидел Марию и Иосифа в Вифлееме, где не было свободных мест в гостинице.

Ему смутно припомнилось, как однажды у них в школе состоялась постановка про „ясли“ и все, что с ними связано. Но никто тогда не связал это с Богом: тут уж г-жа Клаар постаралась.

„Что же это был за человек?“ – удивлялся Франк, когда он читал про внезапно появившихся на небе ангелов. „Он, должно быть, был очень важный“.

В этот момент он услышал голос Адалберта во дворе:

– Франк, уже без пяти девять, и ты опять опоздаешь в школу, садись, я доведу тебя в деревню.

Вскоре они сломя голову неслись по разбитой дороге. Стоило Адалберту оказаться в повозке, как он воображал себя чемпионом по автомобильным гонкам, поэтому все, видевшие его несущимся по улице, шарахались в сторону, хватая с собой детей и собак.

– Сделай мне одолжение, – прокричал Адалберт вслед Франку, высаживая его у школы, – зайди после уроков к г-ну Михелю и купи мне окорока: ведь я без него не могу жить, но если зайду туда сам, то мне уже не выйти. Этот старый Михель слишком много болтает.

С этими словами он так резко нажал на газ, что завизжали колеса, при этом он чуть не наехал на телефонный столб, на трех куриц и Себастиана, который тоже опаздывал.

В пять минут пятого Франк вошел в лавку г-на Михеля, но тотчас почувал что-то неладное. Г-н Михель с жалким лицом сидел за прилавком и ничего не ел, даже леденец!

– Что с вами? – озабоченно спросил Франк.

– Мне велено соблюдать диету, – прозвучал жалобный ответ. – Доктор Хардер сказал, что я должен похудеть на семьдесят фунтов, так как у меня очень повышенное кровяное давление. Теперь мне нельзя больше кушать ничего вкусного, лишь мусы, салаты, и черный кофе. Бр..., ужасно! – содрогнулся он. – Я же разорюсь! Ведь все, чем я торгую, нужно вначале попробовать, а потом уже продавать. А если товар не годится, то я потеряю покупателей!

Он схватил с полки плитку шоколада и сунул ее Франку.

– Вчера мне еще можно было ее есть, но сегодня я дарю ее тебе. Ты не поверишь, но когда-то я был таким худеньким и изящным, как ты.

Франк не поверил, но сердечно поблагодарил и попросил окорока для Адалберта. Пока г-н Михель удрученно нарезал мясо, Франк неожиданно спросил:

– А кто такой Иисус?

Этот вопрос привел г-на Михеля в крайнее смущение, так что он резко повернулся, смахнув при этом со стола коробку с полдюжиной яиц. На полу, естественно, образовалась великолепная смесь из желтков и скорлупы. Г-н Михель проворно принес миску и с сияющей улыбкой начал собирать в нее эту кашу.

– Какое счастье! – обрадовался он, – наконец-то я к ужину приготовлю себе яичницу. Правда, это может повредить моей диете, но нельзя же вовсе обойтись без яиц, не так ли? И кроме того, яичница – мое любимое блюдо.

Теперь он выглядел настолько довольным, что Франк решил еще раз:

– Пожалуйста, скажите мне, кто такой был Иисус?

Г-н Михель облокотился о прилавок, задумчиво потирая подбородок.

– Я простой человек, – сказал он, – но я всегда считал, что Иисус – Сын Божий. Он пришел на эту землю, чтобы жить на ней, как всякий другой человек, и показать нам, людям, каков есть Бог; но, как я уже сказал, я совсем простой человек. Ты спроси нового пастора, когда он приедет.

– Разве приезжает новый? – без интереса спросил Франк.

– Да, старый уходит на пенсию, и на его место приезжает новый.

Г-н Михель снова выглядел счастливым. Каждый новый человек, появлявшийся в округе, становился для него темой для разговоров. Оставив его беседовать о новом пасторе и яичнице, Франк, погруженный в раздумье, отправился домой.

Итак, Иисус был Сыном Божиим. Франк разволновался. Иисус пришел на землю показать людям, каков есть Бог – как раз это Франк и хотел знать.

В последующие дни он сделал в „сбруевом“ сарае необычное открытие. Читая про Иисуса, Франк заметил, что он не просто читал рассказ, а как бы знакомился с живой личностью. Иногда у него даже возникало странное ощущение, будто Иисус находится рядом с ним, в этом сарае. Он не боялся, но чувствовал себя бесконечно счастливым, и это чувство счастья ни на минуту не покидало его.

„Если бы Бог был только страшным и сильным и разговаривал бы только громовым голосом, мне было бы понятно, почему отец ничего не хотел знать о Боге, но не могу себе представить, что он мог ненавидеть Бога и знать: Бог такой же, как этот Иисус. Он так любил людей. Я бы с удовольствием стал одним из Его учеников. Было бы чудесно: быть с Ним и стать свидетелем всех этих великих дел“.

Франк оглянулся. Ему снова показалось, что он не один в сарае. „Если Бог действительно таков, как Иисус,— думал он,— тогда я бы мог к Нему приблизиться, как это сказала прабабушка. Вот бы узнать, как это делается!“

Жадно читая дальше, он хотел узнать, чем все это кончится. Он почему-то ожидал, что в конце Иисус будет пролетать среди облаков на ракете, а люди на земле будут восторженно ликовать. Такое уже было однажды в Дилфинге, когда проезжал президент, а уж Иисус наверняка заслужил это!

Но Франка ожидало горькое разочарование.

„Как они посмели?“ У него перехватило дух, когда он читал, что сделали Божьему Сыну эти ужасные солдаты. На лбу его выступил пот, когда он представил, как Иисуса пригвождали ко кресту. Франц никогда не был раньше особенно близок к кому-либо, но сейчас ему казалось, будто он воочию переживал смерть самого близкого и любимого человека.

„Бог, конечно, очень рассердился из-за всего этого и всех их убил, как это произошло с потопом“,— прошептал он. — „Не мог же Он простить людям, что они поступили так с Его Сыном“.

Он читал дальше, страстно желая узнать, что будет дальше. Он так углубился в чтение, что не слышал шагов, идущих через двор. Он не заметил, как открылась дверь сарая и лишь тогда, когда кто-то сказал: „Ну“, он понял, что случилось что-то ужасное — его обнаружили!

В дверях стоял Хорст, уставившись на Франка, сидящего там, в глубине сарая на ведре и читающего Библию. В последние месяцы Хорст чувствовал себя очень несчастным, хотя и не показывал виду. Всю свою жизнь он только о том и слышал, что он самый важный и лучший в своем

окружении. Его родители все запланировали для него наперед. Сначала он пойдет в гимназию, затем – в университет, а потом уж он покажет всему миру, на что он способен. Однако, у него ничего не клеилось с тех пор, как он провалил приемные экзамены в гимназию. Зато этот жалкий, уродливый, робкий, никчемный маленький Франк сможет в следующем учебном году посещать гимназию, а он – Хорст – не сможет. Он стал вдруг ненавидеть Франка; он ненавидел его так сильно, что ему захотелось ранить его, сделать ему очень больно. И он пустил в ход свое любимое оружие – колкие насмешки.

– Итак, ты читаешь Библию, – в его голосе звучало презрение, а на губах играла ехидная улыбка. – Ты, убогое, маленькое ничтожество!

Эти слова уязвили Франка, как ничто другое. Сбылось то, чего он более всего опасался: его назвали ничтожеством. Его не трогало, когда другие насмехались над его искалеченной ногой, он ведь ничего не мог изменить. Но ему было не все равно, когда его обзывали малодушным, ибо он всегда старался не быть таковым.

– Разве ты не знал, – продолжал этот бессердечный голос, – что в наше время Библию читают только малодушные, бабушки и такие калеки, как ты? Мой отец говорит, что этой христианской болтовне пришел конец еще в прошлом веке; только пара дураков еще занимается этим.

– А как же с церквями и пасторами? – ухватился Франк за соломинку.

– Ну должен ведь кто-то осчастливить старых дам и таких ничтожеств. Кроме того, они зарабатывают этим большие деньги. Мой отец говорит, что ни один разумный человек, если он хочет быть чем-то в этом мире, Библией не интересуется.

Если бы кто-то другой рассказал ему об этом, Франк не поверил бы, но поскольку это был Хорст, он поверил каждому слову. Может быть, Хорст был не очень умен, чтобы попасть в гимназию, но он был во многом сведущ, и все в школе знали об этом. Это, повидимому, объяснялось тем, что он жил в гостинице и общался с представительными людьми. Он общался с миром и поэтому то, что он говорил, должно быть правдой.

– Подожди-ка, я об этом всем в школе расскажу. Уж они посмеются! Парень сидит и читает Библию! – Для Хорста это было победой. Никогда раньше ему не удавалось прошибить скромность Франка, а теперь он видел, как тот страдает, – страдает, как та мышшь, которую он вчера замучил до смерти.

– Да, – продолжал он издеваться, – вот уж будет смеху! Теперь мы будем называть тебя „маленькое святое ничтожество“!

– Нет! Не делайте этого! – в отчаянии умолял Франк. – Да я и не читал по-настоящему, я ее случайно нашел. Она лежала здесь, в сарае, а я хотел узнать, о чем в ней говорится.

– Ну, тогда бы я ее тут же бросил в мусорник, или в огонь. Дай-ка ее мне, уж я постараюсь сделать это за тебя!

Франк молча подал ему Библию, сознавая, что отдает самое драгоценное, что имел. Хорст небрежно взял ее и направился к двери. Уходя, он добавил:

– Маленькое святое ничтожество! Фу! Я же всегда говорил, что ты несчастная маленькая сосиска! – С этими словами он вышел и захлопнул за собой дверь.

Минут пять Франк оставался стоять на том же месте, где его оставил Хорст, тупо уставившись в стенку. „Ну и дурак же я. – надломленно пробормотал он. – Мне следовало бы знать, что современные

люди больше не интересуются кем-то, кого уже много столетий назад убили римляне; я действительно жалкое ничтожество. Какая глупая мысль – Иисус Христос в моей комнате! Нет, таким дураком я не желаю быть!“ В тот дождливый полдень Франк почувствовал, что Иисус Христос ушел, и он потерял единственного настоящего друга, которого когда-либо имел.

„Цезарь“ и бомба

Последующие дни показались Франку кошмарным сном. В школе все отвернулись от него: тут уж Хорст постарался. Все обзывали его „маленьким святым ничтожеством“, и всем это казалось очень забавным. В последние дни жаркого лета ни у кого не было особо хорошего настроения, и если находился кто-то вроде Франка, над которым можно было повеселиться, то эту возможность не упускали. Никто по-настоящему не знал, за что они так его злят, просто все, как обычно, следовали примеру Хорста. Роберт вдруг не захотел больше сидеть рядом со „святым“, Сибилла и Хайде лишь насмешливо поглядывали на него, когда он решался заговорить с ними, и даже Себастиан отвернулся.

Все происходящее в школе Франк готов был вынести, если бы не это одиночество дома. Морские свинки не оказывали ему особого расположения, хотя он их кормил и любовно ухаживал за ними; у отца и Адалберта хватало работы в усадьбе; г-н Михель был постоянно раздражен из-за своей диеты; а присутствие Иисуса больше не ощущалось в „сбруевом“ сарае.

Однажды вечером отец мимоходом спросил его, что с ним творится в последнее время, и Франк пробормотал в ответ что-то про жару и подобное. Это успокоило отца, который был слишком занят своими личными проблемами, чтобы заниматься проблемами Франка.

В начале июля наступили каникулы. В своей усадьбе Франк был отрезан от внешнего мира, да он и не решался выйти из дома. Он мог встретить кого-нибудь из школы, и ему снова пришлось бы почув-

вствовать на себе эти колкие взгляды... Конечно, он сознавал, что тем самым проявлял трусость, но он ведь никогда еще не сумел постоять за себя. Ночью он почти не мог спать, а дни – самые жаркие за последние двадцать лет – так утомляли его, что он ничего не мог предпринять и только томился от одиночества и скуки.

„Когда я вырасту, я убегу и стану плохим человеком, как дядя Гарри. Тогда все будут называть меня „Франк – черная овца“, – сказал он себе однажды. Эта мысль ему настолько понравилась, что он отправился в гостиную, где все вещи были покрыты простынями, чтобы не запылились. Там он достал семейный альбом и нашел в нем фотографию прабабушки с двумя сыновьями. С одной стороны был его дедушка, а с другой – ее другой сын, Гарри.

„Как странно выглядит этот парень! – подумал Франк. Если для того, чтобы быть черной овцой, надо иметь такой оригинальный вид, то мне, наверное, не придется быть ею“.

Разглядывая лицо дяди Гарри он вдруг почувствовал, что оно ему знакомо. Где-то он уже видел это лицо, но где? В кухне было светлее, поэтому он встал там у окна и внимательно разглядывал это лицо. Не было никакого сомнения в том, что оно было ему знакомо. На обратной стороне фотографии была надпись, и Франк снова узнал в ней почерк своей прабабушки.

„Господи, благослови моего сына Гарри, где бы он ни находился“, – написала она.

„Вот еще!“ – Франк небрежно бросил фотографию на стол. – „Много ей эта молитва помогла! Я уверен, что Бог и не слышал ее“.

Однажды вечером, вернувшись из села, Адалберт, заметив, что Франк был очень бледным,

сказал:

– Мальчик мой! Вот если бы ты был коровой, то я бы сразу тебя вылечил, дав тебе соль с травами. Но у меня есть новость, которая тебя, наверняка, заинтересует. Я только что из лавки г-на Михеля. Мне показалось, что вся деревня толкует только об одном, а г-н Михель, конечно, безмерно счастлив! Приехал новый пастор, а с ним его двенадцатилетний сын. Говорят, он ростом чуть ли не в два метра – я имею в виду пастора – у него куча книг и старый автомобиль. Говорят, что это такая развалюха, что диву даешься, как он еще ездит. А еще говорят, – здесь он перешел на шепот, – что его жена вовсе не его жена, а лишь сестра, и что пацан этот ее, а не его. И, – тут он еще более понизил голос и таинственно сообщил – он ходит в какую-то школу, называемую „ин-тир-нат“ или что-то подобное“.

На этом он закончил и пошел кормить Хораца, а взгляды его выдавали, что под словом „ин-тир-нат“ он понимал, по меньшей мере, дом для трудновоспитуемых детей.

Франка совершенно не интересовал пастор, да еще зарабатывающий себе на хлеб через глупостью „старых дам и всяких ничтожеств“, но ему бы хотелось знать, что у него был за племянник. За ужином он, как бы между прочим, заметил:

– Я слышал, что прибыл новый пастор, и у него есть племянник в моем возрасте. Наверняка, одно из этих святых ничтожеств.

– Да, да, – ответил отец, мысли которого были заняты урожаем. – Если он поселился в доме пастора, то он и есть одно из тех... как ты сказал? – одно из этих ничтожеств. Подай мне, пожалуйста, помидоры, мальчик; я сегодня голоден, как степной волк.

Франк забыл о пасторе и его семье, пока однаж-

ды они с Адалбертом не поехали на маленьком грузовике на станцию, чтобы забрать там теленка.

Они приехали намного раньше положенного времени, так как Адалберт несся, как обычно, сломя голову. Франк уселся на тележку для перевозки багажа, а Адалберт со скучным видом посасывал свою трубку. Вокзал выглядел вымершим; носильщик дремал на солнышке, а служащий в билетной кассе читал газету. Слышен был лишь голос дежурного и тиканье часов в зале ожидания.

Вдруг в одно мгновение все изменилось. К при вокзальной площади, сигнала и дыма, подкатил старый автомобиль и затем, резко, со скрипом остановился; из-за поворота показался поезд; носильщик, проснувшись, резко вскочил со своего места, а на перрон вбежал мужчина-великан с совершенно седыми волосами, за ним следовала самая красивая женщина, какую когда-либо приходилось видеть Франку. Поезд со скрипом остановился, и из него вывалил загорелый мальчуган с непокорной шевелюрой на голове и широким улыбающимся лицом. Он бурно обнял красивую женщину и мужчину-великана, и их смех, разговор и крики наполнили вокзал жизнью. Из поезда они вытащили несметное количество багажа. Франк, как замороженный, смотрел, как на перроне появились ракетки для игры в крикет, мешок с одеждой, два чемодана, гитара, ракетки для тенниса, три лимонадных бутылки и лук с колчаном, набитым стрелами.

– О, дорогой, все это никогда не поместится в машину. Все ли это? – воскликнула красивая женщина.

– Мне кажется, – веселым хриповатым голосом ответил мальчик, – О ужас! Нет! Подождите минутку, я забыл свой велосипед!

Все трое ринулись к двери багажного вагона, у

которой толпились Адалберт, носильщик и дежурный по вокзалу. Всеобщими усилиями они пробовали вывести теленка из вагона. Вдруг Франк замер от неожиданности, так как увидел, что в этот момент в сторону вокзала направлялся тот „безобразный“ из лесу.

– Пожалуйста, поторопитесь,– подгонял проводник поезда, когда теленок уже стоял на перроне,– мы и так уже опаздываем на десять минут. А вы куда? – грубо спросил он, когда бродяга зашел в вагон вслед за мальчиком. Старик что-то пробормотал и исчез в темноте вагона, тогда как проводник нетерпеливо жевал свой свисток. Наконец он вновь появился, держа под рукой одну из своих деревянных клеток.

Мальчик как раз подавал свой велосипед из вагона, когда случилось нечто ужасное. При выходе старик споткнулся и упал. Дверка клетки открылась, и из нее выскочила большая морская свинка. Сердито настроенный проводник, недолго думая, резко дунул в свой свисток. Бедный зверек так испугался, что ринулся вдоль перрона в сторону локомотива. Все, за исключением проводника, бросились за ним.

– Это же „Цезарь“,– закричал Франк, пробуя поймать его, но зверек ускользнул от него и упал через край перрона. Оглушенный, он сидел на рельсах перед медленно приближающимся поездом.

– Не-е-т, не-е-ет, только не моего „Цезаря“,– закричал старик, закрывая лицо руками,– только не „Цезаря“!

Франк хотел прыгнуть с перрона, но Адалберт крепко удержал его за воротник. Они только успели заметить, как этот чужой мальчик молнией пронесся мимо них и бросился на рельсы. Водитель локомотива резко затормозил, но набранная ско-

рость уже не позволяла ему остановить поезд. Кругом стоял гвалт, какая-то женщина громко вскрикнула. Поезд уже почти настиг мальчика, когда он плашмя бросился на „Цезаря“ и вместе с ним резко откатился на соседние рельсы. Состав с грохотом остановился как-раз в том месте, где две секунды назад лежал мальчик.

Все перемешалось. Водитель локомотива угрожающе тряс кулаком, дежурный по вокзалу кричал, что оштрафует виновников, а проводника все еще беспокоило, что поезд опаздывает. Красивая дама вытирала платочком глаза, а на заднем плане испуганно мычал теленок.

– Марк, почему ты всегда так необдуманно действуешь? – отчитывал мальчика пастор, когда тот с „Цезарем“ под мышкой взобрался на перрон.

– Мне ужасно жаль, но у меня не было времени для обдумывания, – сказал он и с подкупающей улыбкой посмотрел на раздраженные вокруг лица. Этой улыбке просто невозможно было противостоять, поэтому никто больше не сердился на него. Вскоре все опять смеялись и говорили наперебой.

– Ну, ты молодец! – похвалил дежурный по вокзалу. Носильщик пожал руку водителю локомотива, с облегчением вытирая пот со лба, и даже проводник стал обходительней и сказал, что его сын столь же легкомысленный. Во время всей этой сутолоки „безобразный“ незаметно взял своего „Цезаря“ и скрылся, не сказав ни слова благодарности.

– Да он просто исчез, – изумленно подтвердил Марк, – как по щучьему велению.

– Он очень робкий, – объяснил Франк. Симпатия к этому старику придала ему смелость, и он заговорил. – Он не любит, когда его пристально разглядывают. Я считаю, – вдруг добавил он – что ты пос-

тупил смело. – Кстати, это был „Цезарь“.

– Ты хочешь сказать, что этот старик цезарь? – удивленно вытаращил глаза Марк.

– Нет, я имею в виду морскую свинку. Она очень знаменита и выиграла много кубков. У меня есть внук этой свинки, и он тоже имеет один кубок.

– Правда? – Марк был крайне удивлен. – Мне бы хотелось посмотреть на него.

– Ты можешь заглянуть к нам,– пригласил его Франк, забывая свой страх перед незнакомцем.

– Я завтра же прийду. Ты где ж...? – его слова были заглушены громким сигналом и ревом мотора. – Они меня ждут, я должен идти,– и через минуту он уже втискивался в старый автомобиль, доверху нагруженный багажом. Вскоре он скрылся из виду, оставляя за собой облако выхлопных газов.

– Вот это да! – свистнул Франк,– Будто бомба разорвалась!

Но так, наверное, думал каждый, кто впервые встречался с Марком Таннером.

Хорст шокирован

На следующий день Франк не мог не думать об этом курносом мальчике с веселым лицом.

„В нем есть что-то особенное“, – думал он, чистя шерстку Басти. – „Он какой-то живой по сравнению с другими. Навряд ли он придет лишь ради того, чтобы посмотреть Петьку. Он не знает, где я живу, а если он спросит других, ему сразу расскажут, что я за ничтожество. У него сразу пропадет желание поближе познакомиться со мной.“

В этот момент во дворе послышался хриплый голос Адалберта:

– Заходи, мальчик, он в „сбруевом“ сарае, – и дверь тут же открылась. На Марке была простреленная зеленая рубашка, через плечо висел колчан со стрелами, в одной руке он держал кожаный щит, а в другой – самодельный лук из стекловолокна.

– Я целый день пробовал разыскать твой дом, – улыбнулся он. – Наконец, один толстый мужчина из деревенской лавки объяснил мне, где ты живешь. Хорошо тебе, ты живешь в усадьбе. – Он с интересом разглядывал сарай, держась просто и непринужденно.

Увидя морских свинок, он присел рядом, чтобы лучше разглядеть их.

– Этот действительно похож на своего дедушку, только еще красивее и нос не задирает. Тебе, наверное, нравится с этой бандой возиться?

Вскоре они уже увлеченно разговаривали. О морских свинках, о „безобразном“ из лесу, о г-не Михеле и о школе. Будто они были знакомы уже всю жизнь! Франку еще не приходилось с кем-нибудь так разговаривать, и это ему страшно нравилось.

– Кстати, видел ли ты уже мой новый лук? – неожиданно спросил Марк. – Это новейшая модель. Вы в школе проходите стрельбу из лука?

– Да, – ответил Франк и вдруг помрачнел – но, как видишь, я не могу этим заниматься.

Марк удивленно посмотрел на него.

– Почему же нет? Твоя правая рука выглядит вполне сильной. А что ты умеешь делать левой?

– Она немного неловкая, но я могу все держать ею и брать. Вот только нога ни к чему не пригодна. – В его голосе послышалось волнение.

– Ну, если ты умеешь все брать, то этого, пожалуй, вполне достаточно. Все, что тебе надо – это достаточно крепко держать лук и направить его в цель, остальное сделает твоя правая рука. Кто знает, может ты талантлив. Пошли во двор и попробуем разок.

В восторге от этой мысли, он первым направился во двор, вселяя этим уверенность во Франка. Марк подал ему лук и показал, как им надо пользоваться, как устанавливаются и направляются стрелы.

– Теперь встань боком, а голову поверни налево. Да, точно так, – похвалил он, – теперь стреляй в ворота.

Послышалось жужжание, шипение, а за ними последовал звук удара. К удивлению Франка, стрела вонзилась в цель.

– Ну-ка, попробуй еще разок, – сказал Марк. – Это просто удача начинающего.

Но когда и следующая стрела с точностью попала в цель, он воскликнул:

– Ну и ну! Ты меня провел за нос! Не рассказывай, что ты раньше не тренировался!

– Нет! На самом деле, нет! – засмеется Франк, – я тебе честно говорю, что я в своей жизни никогда лука в руках не держал.

Он пустил еще одну стрелу, и та тоже попала в калитку. Марк был обескуражен и с удивлением уставился на него.

– Да у тебя же врожденный талант, понимаешь? Ты уже выглядишь приличным стрелком; даже просматривается свой стиль. Я вот что тебе скажу. Мы все каникулы будем тренироваться, и из тебя выйдет настоящий стрелок! Все в школе будут обескуражены!

– В следующем учебном году я пойду в другую школу, – у Франка перехватило дыхание, – а там они все крепкие стрелки.

– Ну, вот пожалуйста! Если ты начинаешь учиться в новой школе, и хорошо показываешь себя в каком-то виде спорта, как, например, стрельба из лука, знаешь какое мнение о тебе создается!

– Ты думаешь, я смогу?

– Не сомневаюсь, – твердо ответил Марк. – Я еще ни одного начинающего не встречал с таким хорошим стилем. Повидимому, ты в школе очень долго и внимательно наблюдал за другими стрелками. Послушай! – завороченно сказал Марк, – нам надо сначала достать для тебя экипировку. Этот лук для тебя слишком тяжел. Тебе следует взять мой старый, он намного легче этого. Рукавицу и щиток я тоже могу тебе одолжить. Айда, пойдем к нам домой и постреляем в настоящую мишень. У меня дома есть одна.

Возбужденно разговаривая и весело смеясь, они тронулись в путь.

– Ты должен выступить на юношеских соревнованиях, которые организуются на ежегодной ярмарке в Дилфинге, – предложил Франк, – она начнется в следующем месяце. Все девчонки и мальчишки принимают участие в этих соревнованиях.

– Правда? – Марк резко остановился. – Послу-

шай, а почему бы тебе тоже не принять в них участие? Если ты чуточку поднажмешь и усиленно потренируешься, это будет вполне возможно. Только, чур, никому не рассказывай об этом. Тогда это будет большим сюрпризом для всех!

Франк наслаждался этим неожиданным счастьем и проснувшимся в нем чувством самозащиты. Но когда они у мельницы свернули за угол, радости его как не бывало: вместо нее им овладел холодный страх. Навстречу им шли Хорст и Роберт, Себастиан, двойняжки и двое детей фрау Фурман.

„Сейчас все кончится“, – думал он, приближаясь к ним. Еще пару шагов и Хорст скажет: „Привет, ничтожество, прилежно ли ты читал свою Библию, молился ли?“ – и все засмеются. И Марк все о нем узнает, а это был бы для него конец. Марк, наверняка, не был слабохарактерным и не захочет иметь с таковым дело.

Но конфликт между ними был разрешен самим Марком. Он направился к ним, приветливо улыбаясь и размахивая своим луком.

– Привет, – сказал он, обращаясь к Хайде и Сибилле, – вы должно быть двойняжки, я вас сегодня утром видел. Я уже давно мечтал познакомиться с двойняжками.

Хайде расцвела.

– А ты племянник нового пастора, не так ли? – догадалась она, – мы как раз направляемся к „бездонному пруду“. Пошли с нами, еды на всех хватит.

– Пойдем? – спросил Марк Франка. – Мы можем попозже зайти к нам.

Франк равнодушно кивнул в знак согласия.

Проходя между темными и мрачными деревьями, каждый из них заметил, что в присутствии этого чужого мальчика они не чувствовали никакой скованности. Он так внимательно слушал,

когда ему что-то говорили, будто его собеседник был самым важным человеком в мире. От этого всем было легко и весело.

Он тут же стал в центре внимания детей, и каждый в разговоре старался обратиться к нему или рассказать что-нибудь веселое.

Все, кроме одного. Хорст тащился позади всех, скрестив руки на груди и сжав губы. Впервые на него никто не обращал внимания. Все смотрели на другого и смеялись, когда тот другой шутил с ними. Ему, вожаку этой группы, лучше было бы остаться дома, ведь все равно им никто не интересуется. Его лицо принимало все более мрачное выражение.

Когда они приблизились к пруду, Марк сказал:

– В этом лесу испытываешь какое-то странное ощущение, будто находишься в окружении целой армии телеграфных мачт.

– Да,– захихикала Хайде,– об этом лесу ходят всякие истории. Взять хотя бы одну из них – об этом „безобразном“.

– Я его вчера встречал,– сказал Марк.

– Да еще эта, про „чудовище“,– возбужденно напомнил Себастиан,– оно живет в пруду и очень опасно. Но если ему дать немного еды, оно тебя не тронет.

– Кто тебе такое сказал? – засмеялся Марк. – И ты веришь этому?

– Конечно, я этому верю, ведь это Хорст сказал,– по простоте своей ответил Себастиан.

– Ну, я не знаю, кто такой Хорст, но по всему видно, что ума у него маловато.

– Может, побольше, чем у тебя,– Хорст решил, что настало время поставить все на свое место и радовался тому, что именно сегодня на нем надет его лучший костюм. Он покажет этому выскочке.

– Я здесь являюсь главарем и как хочу, так и

будет.

– Это меня радует, – как всегда доброжелательно ответил Марк. – Тогда скажи, чего ты хочешь?

Вдруг Хорст почувствовал себя довольно глупо. Не понимая, почему, он уселся на пенек, пытаясь сохранить при этом достоинство.

– Давайте, искупаемся перед тем, как будем кушать, – нетерпеливо предложила Хайде.

– На этой стороне пруд очень глубокий, нам придется перейти на другую сторону, – сказал Роберт. – Вещи можно здесь оставить. – И все стали снова непринужденно разговаривать между собой. Еду они сложили в одну кучку и стали раздеваться.

– Наш маленький Франк, наверное, побоится лезть в воду? – В голосе Хорста было столько язвительности, что Франка словно плеткой ударили. Наступила мертвая тишина.

– Что это значит? – спросил Марк.

– Ты еще не очень хорошо знаешь Франка? Но мы-то его знаем. Он – маленькое ничтожество и не захочет даже мочить себе ноги. Он самый настоящий маленький трус.

Дружелюбное выражение лица Марка как водой смыло. Его веснушчатое лицо покрылось пятнами.

– Как ты смеешь так подло разговаривать? – возмутился Марк. –

„Кстати, Франк – мой друг.“

„Возможно! Но он не мой друг, и ты не помогаешь мне говорить то, что мне хочется!“

„Ты думаешь?“ спросил Марк. Теперь он всерьез разозлился. –

Если ты еще раз посмеешь такое сказать, я собственноручно брошу тебя в озеро, все равно, в воскресной ты одежде или нет.

– Не надорвешься-ли? – язвительно ответил

Хорст. – Я больше тебя, и, кроме того, мне помогут другие. У тебя просто не хватит смелости, я докажу тебе это, – и, обращаясь к Франку, он продолжал:

– Ты жалкое, святое ничтожество, вот ты кто. Уматывай! Тебе здесь не место.

– Все, хватит! – повелительно сказал Марк. Он медленно, не суетясь, снял с себя колчан и положил лук на землю. Хорст широко расставил ноги и скрестил руки на груди, наблюдая за каждым движением Марка. Франку он представился тем Голиафом, ожидающим маленького Давида.

Шаг за шагом Марк подходил все ближе, и его кажущаяся неуклюжесть как раз сбивала с толку Хорста. Поэтому он оказался не готов к стремительному удару Марка. Прежде чем он понял, что с ним случилось, он был сбит и брошен на землю. Марк крепко держал его за ноги и потащил к пруду. Хорст был силен и действительно боролся, как лев, но Марк оказался более сильным и ловким, чем Хорст.

– Что вы смотрите! Помогите же мне, вы, дурачье! – бушевал он, видя, что берег приближается. Но все слишком долго терпели его тиранию и были рады тому, что нашелся кто-то, кто с ним может справиться.

Марку стоило почти нечеловеческих усилий приволоочь его к пруду, но он сделал это, толкая, волоча и покидывая его. Наконец, шумно плюхнувшись в воду, Хорст скрылся под водой, предварительно издав крик, полный страха. Через некоторое время, показавшись над водой, он стал судорожно хвататься за кустарники, пробуя выбраться на берег. Но берег был крутой и скользкий, и друзья вновь потеряли его из виду. Показавшись над водой в следующий раз, он прохрипел в паническом страхе:

– Помогите! Я не умею плавать! Я тону!

– О ужас! Я же убил его! – и Марк без раздумья бросился в воду.

Не зря ему в прошлом учебном году вручили удостоверение спасателя на воде. Он схватил Хорста за запястья, перевернул его на спину и, усиленно работая ногами, поплыл вдоль берега, все время держа голову Хорста над водой.

Когда они достигли той части берега, где склон был не таким крутым, оба вскоре стояли на земле. Хорст вытер лицо руками и начал очищать костюм от водорослей. Остальные обрадованно подбежали к ним, но когда увидели взгляд Хорста – злой и ненавидящий – резко остановились.

– Этого я тебе никогда не прощу, пасторский сынок, – проговорил он сквозь зубы и скрылся в лесу.

Все посмотрели на Марка, чтобы видеть, произвели ли на него слова Хорста должное впечатление. Но Марк спокойно снял с себя рубашку, выжал из нее воду и обвел всех взглядом:

– А где же еда? Я просто умираю от голода!

С этими словами он сел за „стол“, уплетая еду за обе щеки. Повидимому, для него это было обычным делом: бросать людей в воду, а затем – спасать им жизнь.

Они вместе пошли домой. У дома пастора они увидели необычную картину. При въезде в гараж стояла часть дряхлого автомобиля, тогда как подвижные части были раскиданы на траве перед домом. Колеса лежали на одном месте, капот – в другом, заднее сиденье – на крыльце, и повсюду были раскиданы части от мотора.

От самого пастора виднелись лишь нескончаемо длинные ноги, торчащие из-под подножки.

– Что случилось с машиной? Она больше не ездит? – спросил Себастиан.

– До сих пор еще ездила, но мне кажется, что скоро она забастует. Мой дядя ее каждую субботу разбирает – это его хобби, – но он никак не может запомнить, как ее собратъ. А автослесарям это на руку, они этим зарабатывают.

В этот момент на крыльце показалась красивая женщина с тарелкой в руке и чуть не споткнулась о заднее сиденье. Она любовно постукала по машине и позвала брата:

– Вылезай, Георг, поешь кусочек пирога, он еще теплый. – Увидев детей, стоявших у калитки, она помахала им:

– Идите сюда, пирогов на всех хватит. У меня сегодня пекарский день.

Она выглядела такой же обходительной и приветливой, как и ее сын. Тарелка с печеньем пошла по кругу. По внешнему виду женщины нельзя было сказать, что у нее пекарский день, ее кружевной фартук был без единого пятнышка, а волосы аккуратно причесаны. „Совсем не такая, как фрау Фурман“, – подумал Франк; та всегда была красной от жары, вся в муке, и от нее всегда несло потом, когда она варила.

Из-под машины вылез измазанный маслом пастор, и Марк представил ему каждого. Никто, однако, не мог произнести „добрый день“, ибо у всех рты были забиты теплыми пирогами.

Франк жевал с удовольствием, пирог был очень вкусный. Вдруг он заметил, что мать Марка пристально разглядывает его, морща лоб, будто что-то вспоминая. Все-таки это не очень приятно, когда тебя так пристально разглядывают. Франк сразу подумал, что у него грязное лицо или не в порядке одежда и спрятался за широкой спиной Роберта.

Вдруг она спросила его:

– Может такое быть, что я тебя уже где-то встречала?

– Он вчера на вокзале был, мамочка,– сказал Марк с полным ртом.

– Нет, я тебя уже раньше встречала, не правда ли? Может, уже давно, несколько лет назад. Или ты мне кого-то напоминаешь – только кого?

Ее лицо опять просветлело.

– Ничего,– сказала она. – Я уж вспомню, может в ванной или в кухне, или еще где,– засмеялась она, снова предлагая пироги.

– Можно ли моим друзьям придти завтра на кофе? Хорошо, когда в воскресенье много гостей, а затем мы могли бы все вместе пойти на вечернее богослужение,– предложил Марк своей матери.

– Пирогов у меня хватит на большую компанию. Может, даже лучше, если они придут и помогут их доесть,– ответила она.

Пастор попросил Себастиана и Роберта помочь ему вмонтировать колеса, а девочки тем временем чистили сиденья. Марк с Франком принялись за поиски легкого лука.

– Ребята,– сказал Себастиан, когда они потом все вместе возвращались домой. – Я рад, что нас пригласили, это же неплохо. Я целый день ничего не буду есть, чтобы хорошенько проголодаться.

– А мы наденем наши новые нейлоновые чулки и туфли на шпильках,– мечтательно произнесла Сибилла.

– О нет,– простонала Хайде,– я этого не вынесу!

– Все равно мы так сделаем. В гости ходят нарядно одетыми,– чопорно ответила Сибилла.

Все были ужасно возбуждены, ведь не каждый же день тебя приглашают на кофе. Даже Роберт, который в воскресенье предпочитал чистить сви-нарник, не хотел и думать об этом, когда вспоми-

нал о пирогах этой красивой женщины. Только Франк озабоченно шагал домой через лес. Ведь Марк сказал, что они потом пойдут в церковь.

„Как я могу туда пойти?“ – думал он. – „Кто-нибудь может сказать об этом отцу, а тогда – все“. Но любопытство взяло верх. Как чудесно будет, наконец, узнать, о чем говорят в церкви. И, кроме того, придти на кофе, а затем отказаться от приглашения в церковь – это уж никуда не годится; но в одном он был уверен – ничто не может помешать ему придти на кофе.

„Но почему Марк ходит в церковь?“ – думал он. – „Наверное, его заставляет дядя, как двойняжек – их родители. Я даже могу поспорить, что это ему не нравится, он явно не из тех, которые хотят иметь дело с религией“.

Кто была Сильвия Мор?

В Черном Углу было время обеда и, как обычно, они ели вареную холодную фасоль. Франк, вдруг набравшись храбрости, сказал:

– Отец, я сегодня приглашен на кофе.

Отец поначалу не расслышал его, настолько он углубился в чтение газеты.

„Что же мне делать, если он спросит, к кому?“ – подумал Франк. Он знал, что его отец не разрешит ему идти в дом пастора.

– Я сказал, что приглашен на кофе, – неуверенно повторил он.

– Что такое? – с отсутствующим видом отец посмотрел через край газеты. – Ах, вот как? Налей-ка мне, пожалуйста, еще чашку кофе.

Франк, который в своей жизни ни разу не был приглашен на кофе, так радовался, что время после обеда тянулось, как ему казалось, невыносимо медленно.

„У меня даже нет порядочной одежды“, – подумал он, смущенно просматривая свой гардероб. Его и отцова одежда во многих местах продырявилась, потому что фрау Фурман терпеть не могла штопать и латать. Наконец, он одолжил у Адалберта ярко-желтый галстук в красную крапинку и почувствовал себя вполне элегантно одетым.

Так как друзьям неловко было появляться по-одному в доме пастора, они договорились встретиться у школы, а оттуда отправиться вместе. Придя туда, Франк увидел сидевшего на стенке школьного забора Себастиана. Его волосы были приглажены мокрой щеткой, и он выглядел, как цыпленок, отправляющийся в кругосветное путешествие.

Затем пришли две младшие дочери фрау Фур-

ман, споря между собой, чьим же другом будет Марк.

„Какие же все-таки глупые эти девчонки“,— думал Франк, когда он заметил двойняшек, ковылявших в туфлях на высоких каблуках. Сибилла вела себя так, будто всю жизнь только в таких туфлях и ходила, но под Хайде ноги буквально подворачивались. В тот момент, когда они уже входили в школьный двор, ее нога подвернулась, и она приземлилась возле огромной лужи. Когда она встала, ее белое платье оказалось запачканным, из рваного чулка выглядывало колено, и в разные стороны поползли „петли“.

— Вот тебе раз! — фыркнула она на сестру. Дурацкие туфли! У этого даже каблук отломился.

— Ой, сестричка, как же теперь быть,— беспомощно запрочитала Сибилла. — Тебе надо домой.

— Все, только не это,— решительно сказала Хайде. — Что? Упустить кофепитие из-за чуть запачкавшегося платья и дырявых чулок? Я оставлю этот туфель здесь во рву и на одной ножке поскочу дальше, никто этого не заметит.

Даже одна мысль об этом наполнила чистоплотную, любящую порядок душу Сибиллы отвращением, но для Хайде это было раз плюнуть. Она только все усугубила, когда полезла на забор, чтобы сорвать цветок, и порвала второй чулок.

— Вот и хорошо, теперь оба одинаково выглядят,— довольно сказала она.

— Ну где же Роберт? — спросил Себастиан,— я просто умираю от голода; у меня сегодня еще и крошки во рту не было, и если он скоро не появится, мы опоздаем. Тогда я умру от голода.

В этот момент показался Роберт, сердитый и вспотевший.

— Это было ужасно! — запыхавшись, сказал он. —

Я только хотел еще у свиней почистить, прежде чем уйти. При этом я так запачкался, что мать велела мне идти в душ и полностью переодеться. Она говорит, что от меня все еще несет навозом. – Так оно и было!

Они как раз спускались вниз по улице, как навстречу им выехал Хорст на своем новом велосипеде.

– Привет! – крикнул он, – куда это вы все направились такие нарядные? Уж не на свадьбу ли?

– Нет, мы идем на кофе к пастору. А ты разве не приглашен? – как всегда бестактно спросил Себастиан.

– Нет, – насмешливо ответил Хорст. – У меня дела поважнее вашего. Повидимому, из вас всех сделают „покаянных“, и вы каждое воскресенье будете послушно ходить в церковь. Да вам только того и надо, чтобы с этим самозванцем сдружиться. Тьфу! Чихать я на вас хотел! А теперь я иду заниматься стрельбой из лука.

И он направился к запущенному домику г-на Клаар, втайне мечтая быть с ними.

Подойдя к дому пастора, они все вдруг почувствовали себя неуверенными, не понимая, зачем они здесь. Даже Хайде принялась натягивать платье на разорванные колени, когда они прокладывали себе путь к дому через части разобранного автомобиля. Повидимому, пастор опять не смог его собрать. Они столпились на крыльце, на ступеньках которого все еще лежало заднее сиденье, и никто не решался нажать кнопку звонка. Пока они раздумывали и толкали один другого, дверь отворилась, и на пороге появилась огромная фигура пастора.

– Заходите, – пригласил он, улыбаясь. Он был таким высоким, что им показалось, будто его голос раздавался с трехметровой высоты.

Они вошли, не зная, куда девать свои руки и ноги. Увидев Марка, улыбающегося им из двери гостиной, они почувствовали себя увереннее.

– Мама сказала, чтобы вы зашли. Вы, должно быть, голодны, – сказал он.

– Да, так и есть, – ответил Себастиан, проталкиваясь вперед, и, конечно, наступил при этом на босую ногу Хайде. Увидев накрытый стол, все остановились. Франк буквально застыл от изумления. Он и не подозревал, что существуют такие лакомства. На столе красовался шоколадный пирог, кофейный пирог и лимонный пирог; большая тарелка с безе, на которых горой возлежали взбитые сливки, три сорта самоиспеченного хлеба. Дальше – печенье со специями, большая тарелка с шоколадным печеньем, булочки с клубничным вареньем, а посередине – большой бисквитный торт, залитый вишней и украшенный сливками.

– Ох! – почтительно сказал Себастиан. – Ох!

Они сели, и Франк уже хотел было подумать, откуда же ему начать, как пастор сказал:

– Прежде чем начать, мы поблагодарим.

Франк было подумал, что все они должны были поблагодарить сестру пастора. Но все молчали, и тут он увидел что-то из ряда вон выходящее. Этот большой седовласый мужчина улыбнулся, закрыл глаза, склонил голову и сказал – будто хорошему другу:

– Дорогой Господь, мы благодарим тебя за эту вкусную пищу и за радость общения друг с другом. Благослови нас, когда мы затем отправимся в дом Твой. Аминь.

Франк сидел, уставившись на него. Ему вдруг расхотелось есть. Другие занялись едой, беседовали, передавая друг другу чашки и тарелки, но Франк будто вовсе забыл о их существовании. На-

столько он был ошеломлен увиденным. Этот мужчина разговаривал с Богом! Он на самом деле разговаривал с Ним! Франк и думать не мог, что кто-то решается это делать в наши дни.

„И кроме того, было похоже, будто это доставляло ему радость“,— думал он, но вдруг болезненно вспомнил, что говорил ему обо всем этом Хорст. — „Повидимому, это его обязанность,— печально сказал он себе,— Марк, должно быть, презирает его“.

От удара в бедро он снова вернулся к реальности. Это была Хайде.

— Слушай, Франк,— сказала она,— пока ты проснешься, ничего не останется.

Вдруг он почувствовал, что к нему вернулся его прежний аппетит, и он с большим удовольствием принялся за „работу“.

Пока он съедал один кусок, Себастиан съедал шесть, и, в конце концов, Франк молча сидел, с интересом наблюдая за ним. Четыре куска пирога мокка, шесть безе, десять булочек с вареньем, все печенья со специями, девятнадцать шоколадных печений и три порции бисквита исчезли у него во рту. Не считая, естественно, того, что он съел, прежде чем Франк начал за ним наблюдать.

— Так,— совсем раскрасневшись и набив рот сливками сказал он в заключение,— теперь я чувствую себя уже лучше.

После кофе все вышли во двор, на лужайку и уселись на садовые стулья. Подождав, пока все удобно расположатся, Марк спросил дядю:

— Дядя, расскажи, от чего твои волосы поседели.

— Да,— начал пастор, перекинув одну длинную ногу через другую,— я всегда любил автомобили. Когда я еще учился в школе, я позаимствовал у директора спортивный автомобиль, решив прокатить-

ся. Я до отказа нажал на газ и набрал огромную скорость – вот тогда-то и случилось несчастье. Со скоростью в сто двадцать километров я несся вниз по крутому склону, когда вдруг заметил, что тормоза не действуют. Сначала я прорвался через кустарник, затем меня переметнуло через какой-то ров и, наконец, я приземлился на ржаном поле. Машина несколько раз перевернулась, загорелась и огонь перекинулся на поле. Я остался невредимым, но когда я проснулся на следующее утро, мои волосы были седыми. С тех пор они такими и остались.

Этот рассказ всех глубоко тронул, и Роберт рассказал, как однажды за ним гнался бык.

– Мои волосы, правда, не поседели, но я три дня после этого икал.

Все смеялись до упаду.

– Давайте, мы что-нибудь споем, – предложил пастор. – Марк, принеси-ка свою гитару.

Они пели песни, которые пастор называл „хоровые“. Слова были всем незнакомы, но они быстро выучили их и горланили во весь голос под легкий ритм гитары Марка. Песни были о Боге, но в тот момент Франк не обращал на это особого внимания; он был занят тем, что наблюдал за Себастианом. Тот сидел бледный, как смерть, на краю качалки, крепко держась за перекладину. По его лицу было видно, что ему нехорошо, даже его большие уши побелели.

– Спой нам соло, Марк, – сказала красивая женщина, которая на своем стуле выглядела, как царица на престоле.

– Хорошо, я ее выучил в прошлом учебном году. – И он начал петь.

Иисус всегда со мной.

Да, Иисус всегда со мной.

Он подарил мне жизнь и радость,
Иисус всегда со мной.

Не сказать, что его голос был особенно красив, а игра на гитаре – великолепна, но выражение его лица во время пения заставило Франка забыть обо всем на свете. Он больше не думал о Себастиане, а уставился лишь на Марка, точно так же, как уставился на его дядю перед едой.

Когда он закончил, наступила пауза. Никто не хотел говорить, ибо все чувствовали, что для него каждое слово этой песни имело важное значение.

„Не думаю,– размышлял Франк,– чтобы он имел в виду, что Иисус на самом деле всегда с ним, как Он был со мной в „сбруевом“ сарае. Кто-кто, а Марк посчитал бы это безрассудством“.

Вдруг красивая женщина прервала его мысли тем, что воскликнула „Ох!“ и вскочила со своего стула.

– Что случилось? – испуганно спросил пастор. – Тебя оса ужалила?

– Нет, теперь я вспомнила, кого мне напоминает Франк. Сильвию.

– А кто такая Сильвия? – спросил пастор.

– Знаешь, ее звали Сильвия Мор. В то лето, когда ты болел скарлатиной, я посетила ее в усадьбе ее дяди... – Она снова одарила Франка улыбкой и продолжала,– Сильвия была самой милостивой, хорошенькой девочкой, какую я когда-либо встречала. Тогда нам было девять, и с тех пор я ее больше не видела. Но ты – ее портрет; вы, случайно, не родственники?

– Не думаю, по-крайней мере, я ничего не знаю об этом,– испуганно сказал Франк,– но,– добавил он неуверенно,– теперь я начинаю вспоминать, что уже где-то слышал это имя. – Напрягаясь, он морщил лоб, но, как ни странно, на память приходила

лишь щетка для волос!

– Ничего,– весело сказала фрау Таннер. – Мне кажется, нам уже пора идти в церковь. Давайте собираться.

Двойняжки натянули свои огромные соломенные шляпки с декоративными цветами, а Роберт, от которого все еще несло хлебом, переставил на три дырочки свой ремень.

– Я не смогу высидеть все богослужение, если ремень будет так сжимать всю эту вкуснятину,– сказал он, когда они уже шли по улице.

– Я уверена, что после богослужения вы снова проголодаетесь,– засмеялась красивая женщина. – Тогда вам придется снова придти в пасторский дом и доесть остатки угощения – правда, осталось не так уж много,– добавила она с усмешкой, лукаво поглядывая на Себастиана.

Но Себастиану было не до улыбки, его лицо позеленело, волосы на голове торчали дыбом.

– Меня так ...,– задыхался он,– меня так...“ И его... Да еще как!

– Бедненький,– сказала мать Марка,– может тебя отвести домой?

– Нет, спасибо,– твердо ответил Себастиан,– я уже чувствую себя намного лучше и, кроме того, я только что приготовил место для ужина.

Приближаясь к церкви, Франк почувствовал, как его сердце усиленно забилося. Он видел, как некоторые из входящих подталкивали друг друга и указывали на него. Он слышал, как некоторые из них говорили: „Посмотри-ка, мальчик Шефера идет в церковь! Знает ли его отец?“

„Я уверен, что завтра один из них доложит ему об этом“,– нервничал Франк.

Войдя в церковь, он быстро забыл о своем отце, думая лишь о том, что же он увидит в этом за-

прешленном для него здании.

Сначала он почувствовал разочарование, увидев голые белые стены и тяжелые деревянные скамейки. Он ожидал увидеть, по крайней мере, пару ангелов, если не самого Бога, но все помещение напоминало ему зал ожидания на вокзале в Дилфинге. Все они сели на один ряд, а вскоре вошел и сам пастор.

На нем было длинное одеяние, похожее на черный кафтан. Затем для Франка наступил час, полный неожиданностей. Он не мог сориентироваться ни в Библии, ни в песеннике. Фрау Фурман так громко играла на органе, что Франку показалось, что потолок уцелел лишь чудом. Позади нее сидели ее девятеро детей и муж, который пел так громко, что без труда мог бы перекрыть Хораца.

Франк только что стал понимать, почему, по мнению Хорста, только дураки ходят в церковь, как вдруг на кафедру вышел пастор, и в один миг все изменилось.

– Сегодня вечером я прочитаю вам текст из Иакова, четвертую главу, восьмой стих: „Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам“,– прочитал пастор.

Франк сидел на скамейке, вытянувшись, как свеча. Где-то он уже об это читал! Такое знакомое! Вдруг он вспомнил: конечно же, это был тот стих, которым его прабабушка подписала Библию.

Голос пастора прозвучал:

– Первое, о чем мы должны подумать, если хотим приблизиться к Богу,– гремел он,– это то, что Он не исчезнувшая идея. Он не находится где-то далеко на небе, а является живой личностью, которая желает постоянно находиться рядом с нами.

Пастор продолжал говорить, но Франк не особенно прислушивался. Он вдруг снова стал

ощущать то, что чувствовал тогда в „сбруевом“ сарае. Это чувство, казалось бы, расширялось и заполнило все помещение, так что впервые за последние недели, Франк почувствовал себя несказанно счастливым. Он был счастлив, когда они с Марком были вместе, когда Хорста бросили в воду. Как чудесно было оказаться приглашенным к пастору – но все это были поверхностные чувства.

Сейчас же он опять почувствовал настоящее, глубокое счастье, наполнявшее его.

Оно не осталось, это чувство. Оно покинуло его, как только он вышел из церкви. К пастору он больше не пошел. Он не хотел, чтобы отец стал искать его или расспрашивать, где он был.

„Что же мне теперь делать?“ – сказал он, откинув ногой камень. – „Одна моя половина хочет приблизиться к Богу, а другая говорит, что я ничтожество, если сделаю это. Если бы я только знал, кто прав – пастор или Хорст! Я не знаю, серьезно ли Марк думает, что Иисус всегда с ним?“

В эту ночь он не мог спать. Он мял свою подушку, возился и ворочался от всех сомнений, раздиравших его. Но когда он на следующее утро встал и оделся, то знал, что ему надо сделать.

„Я спрошу Марка, – решил он. – Ему-то, во всяком случае, я доверяю больше, чем Хорсту“.

Старой серебряной щеткой, которой он всегда пользовался, он пригладил свои волосы. Вдруг его внимание привлекли инициалы, выгравированные на ручке щетки: С.М. – и он понял, кто такая Сильвия Мор.

Новый друг

– Просто не знаю, что и сказать. Ты же вундеркинд! – сказал Марк, еще раз оглядывая мишень, которая была забита стрелами Франка. – У тебя удивительно точный взгляд.

Они уже целый день до изнеможения занимались на поле позади пасторского дома. Франк скоро понял, что постоянно пользуясь лишь правой рукой, он выработал в ней такую силу, какую, в основном, не имели мальчики в его возрасте.

Марк очень гордился его успехами и когда они, уставшие, легли в тени под деревом, он сказал:

– Я не могу дождаться, когда увижу выражение лица Хорста в тот момент, когда он узнает, что в соревновании ты выступаешь его противником.

– Да, – засмеялся Франк, – г-н Клаар тоже будет немало удивлен. Знаешь, ведь это он все организует. Я буду так сильно волноваться, что могу прицелиться в другую сторону, и тогда стрела попадет в его сердце.

– Вот было бы здорово! – засмеялся Марк. – Он все равно выглядит каким-то заплесневелым.

– Марк, могу ли я тебя кое о чем спросить? – Франк почувствовал себя вдруг неуверенным и смущенным.

– Можешь спрашивать меня о чем угодно, кроме французского и математики, – сказал Марк, скрестив руки на затылке.

– Ты был вполне серьезен, когда пел, что Иисус всегда с тобой?

– Вполне, поверь мне! – воскликнул Марк, поднявшись одним рывком. – Мы очень часто поем эту песню в нашей христианской группе.

– Значит, ты не считаешь, что человек, интере-

сующийся Богом – ничтожество? – Ответ, которого ждал Франк, был настолько важен для него, что ногти от волнения впились в его ладони.

– Нет, так может думать только тот, кто не ходит в интернат. Там христиане просто не могут быть ничтожествами.

– Ты хочешь этим сказать, что есть и мальчики нашего возраста, интересующиеся Богом, а не только старые люди и пастор? Если бы не боль в ладонях, Франк принял бы настоящее за сон.

– Конечно же нет, – как всегда уверенно ответил Марк. – Как ты вообще пришел к этой мысли? Это, наверняка от того, что ты живешь в деревне. В Гласштадте, где мы жили раньше, в церковь дядюшки ходили, в основном, молодые люди. Ты себе не представляешь, как чудесно быть христианином! Тогда ты имеешь то, во имя чего ты можешь жить и бороться. Однако, христианином быть не так уж легко. Я думаю, что именно поэтому христианство так популярно среди молодежи. Сегодня не бросают в львиный ров, но сегодня высмеивают. Об этом я могу спеть тебе песню.

– Скажи, ты всегда был христианином? – спросил Франк. Он хотел расспрашивать Марка до тех пор, пока не получит все ответы на так долго мучавшие его вопросы.

– Нет. Когда четыре года тому назад я пришел в интернат, мне все надоело. Отец как раз умер, и нам пришлось жить у дядюшки. Тогда я вообще о Боге не хотел слышать.

В то время в нашей школе было примерно десять верующих мальчишек. Нам доставляло большое удовольствие их дразнить, высмеивать и, где возможно, всю вину сваливать на них. Но однажды к нам в школу прибыл один пилот и выступал перед нами с кафедры. Это был молодчина! Он ежед-

невно водил в Америку пассажирский лайнер. Короче, он рассказал нам, как учась в летной школе, он постоянно высмеивал тех, кто верил в Бога. Но однажды он понял, что у них было нечто, чего не имел он. И он сам стал христианином. После его выступления я побеседовал с ним, а потом я ушел и заперся в ванной комнате. Я склонился на колени у ванны и предал свое сердце Иисусу Христу. Так я стал верующим. Некоторые из мальчишек продолжали нас высмеивать, но я думаю, они просто завидовали нам, потому что многие из них позднее стали христианами и признавались мне в этом.

Наступило молчание, во время которого Франк молча вертел в руках стрелу. Ему очень хотелось рассказать Марку все о Библии и о том, как он чувствовал присутствие Иисуса Христа, но он просто не знал, как начать.

– Наконец Марк заговорил. „Г-н Михель однажды рассказал мне о твоём отце, – голос его был необычно спокоен. – То есть, о том, что он ненавидит Бога. Ты, наверное, тоже ненавидишь Его и, конечно, презираешь меня за то..., что я верующий,– добавил он, и Франк впервые увидел его таким испуганным.

– Нет, нет – возразил Франк. И тут его как будто прорвало: отбросив робость и смущение, он рассказывал обо всей этой истории с Библией.

Под конец Франк сказал: „Однажды Хорст застал меня за чтением. Он сказал, что Библией интересуются только слабовольные и, уходя, забрал ее с собой. Так я и не смог узнать, чем все закончилось. Что случилось после того, как Иисуса распяли?

– О, так ты же упустил самое лучшее,– вновь заговорил Марк в своей обычной, непринужденной и живой манере. – После этого Он воскрес.

– И за все отомстил? – хотел знать Франк.

– Нет, Он ведь сознательно пошел на смерть; так было предназначено. Знаешь, Он пришел на землю не для того только, чтобы вылечить нескольких больных и рассказать что-то интересное. Он пришел с небес пострадать за наши грехи.

Тут Франк совсем сбился с толку.

– Как так? Почему? – спросил он.

– Ну, это довольно трудно объяснить, – ответил Марк, морща лоб, – только такие умные люди, как дядюшка, могут все это толком объяснить, но я думаю, дело вот в чем: Бог хотел, чтобы мы, как друзья, всегда были с Ним, и после смерти тоже. Но между нами и Богом возникла пропасть, потому что люди не хотели исполнять Его волю. Знаешь ли ты десять заповедей, в которых говорится о том, чтобы мы не крали, не обманывали и любили других больше, чем самих себя? Но их никто не мог исполнить: стоило преступить только одну, как Бог отворачивался от такого человека. Наказание за это – смерть. Но Бог так нас возлюбил, что не хочет, чтобы мы жили без Него.

– Почему же Он тогда не простил всем людям и не позволил быть у Него?

– Это Он не мог так просто сделать, ведь директор школы тоже должен следить, чтобы в школе соблюдался порядок, иначе никто не будет с ним считаться. Так, примерно, думал и Бог; Ему нужен был Некто, кто еще никогда не нарушал Его заповеди и был готов принять на себя чужую вину и умереть за всех. Поэтому и пришел Иисус, чтобы умереть за нас.

Снова воцарилось долгое молчание, во время которого Франк обдумывал услышанное. Потом он спросил:

– Следовательно, все связаны с Богом и все по-

падут на небо, даже Хорст и отец?

– Нет, это не совсем так,– ответил Марк. Его лицо покраснело от напряжения. – Не все хотят быть в общении с Богом. Иисус проложил этот путь, но следует совершенно сознательно идти этим путем. Нужно просить Бога, чтобы Он вошел в твою жизнь, чтобы она была постоянно под Его контролем. В этот момент ты становишься христианином. Христианин – это значит, что Христос в тебе. – Марк замолчал, глубоко вздохнув. Ему пришлось напрячь все свои силы для объяснений.

– Это нужно сделать в ванной, как ты? – спросил Франк.

– Нет,– засмеялся Марк. – Это можно сделать везде и в любое время.

– Тогда я хочу это сделать здесь и сейчас,– сказал Франк, который любил принимать быстрые решения. – Я ждал этого столько месяцев и скорее умру, чем прождать еще хоть минуту.

Франк преклонил колени на траву возле мишени и отдал свое сердце Иисусу. Он признался Богу, что преступил Его заповеди и заслужил только смерть.

– Но,– добавил он,– я знаю, что Иисус умер за меня, и потому мне очень хотелось бы идти Его путем, чтобы приблизиться к Тебе. Пожалуйста, позволь Иисусу придти и жить во мне. Спасибо!

Он встал, и на его лице сияла улыбка.

– Представь себе, я по-настоящему разговаривал с Богом,– радовался он.

– Пошли,– воскликнул Марк,– мы расскажем об этом маме и дядюшке.

„Дядюшка“ вышел из-под машины, пожал руку Франка своей лапицей, а затем от восторга подкинул в воздух рукоятку от автомобиля.

– Нет ничего прекраснее, как если становишься христианином,– сказал он. Красивая женщина

сказала, что целый день молилась о Франке.

– Я чувствовала, что ты ищешь Бога.

Хотя время ужина еще не наступило, все сели и стали дружно уплетать бутерброды. Франку хотелось, чтобы этот день никогда не кончался.

– Марк, выйдем на минутку, мне надо поднять машину, – сказал пастор. Он поставил чашку на стол, и с куском хлеба в руке выбежал из кухни на улицу.

– Фрау Таннер, разрешите мне помочь вам помыть посуду? – попросил Франк, который вдруг перестал быть таким робким. – У меня это хорошо получается, – добавил он с улыбкой.

– Этого я не могу сказать о Марке, – засмеялась его мать, – он больше разобьет, чем высушит.

– Мне кажется, я знаю, откуда мне знакомо имя Сильвия Мор. – сказал Франк, когда они мыли посуду.

– Правда? – резко повернулась фрау Таннер. – Ты знаком с ней?

– Вообще-то нет. Лично с ней я не знаком, но она была моей матерью.

Кофейник чуть не выпал из рук фрау Таннер. Через некоторое время она произнесла:

– Как же так получилось, что ты не знал до сих пор ее имени?

– Знаете, когда умерла мать, я был еще младенцем. А отец так тосковал, что он никогда мне о ней не говорил.

Красивая женщина тяжело опустилась на стул, побледнев от сострадания к мальчику.

– Мне очень жаль, извини меня, – сказала она. – Я этого не знала. Когда мы сюда приехали, я надеялась увидеть ее. Она была из тех людей, которые не забываются. Я даже не знала, что она была замужем. Марк никогда не говорил мне твою фамилию.

ию; кстати, как твоя фамилия?

– Шефер,– ответил Франк. – Я сын Роберта Шефера.

В кухне опять стало тихо. Каким-то странным голосом фрау Таннер снова сказала:

– Значит, она все-таки вышла за Роберта?

– Вы знали моего отца? – удивился Франк.

– О, да, Роберт Шефер был нашим идолом. Каждая из нас уверяла, что он будет ее мужем. Ему было около семнадцати, а нам едва исполнилось по девять. Он был веселый, компанейский, высокий. Я рада, что у тебя такой отец.

Немного подумав, она спросила:

– Почему так получилось, что Марку пришлось объяснять тебе, как стать христианином? Твой отец, должен быть, давно тебе об этом рассказал. Он всегда открыто говорил о своей вере, о своей чудесной бабушке и ее Библии. Ведь именно через него я в то лето пришла к познанию Бога. Он и сегодня, повидимому, много делает для Бога.

Франк пошаркал ногами и стоял в смущении.

– Да-а, знаете,– начал он,– отец в своей жизни столько пережил, что решил, будто Бог против него. Поэтому он Его теперь ненавидит и очень рассердился бы, если бы узнал, что я стал сегодня христианином.

В этот момент в комнату снова ворвался Марк, и разговор пришлось прервать. В тот вечер, когда он собирался домой, пастор подарил ему очень красивую Библию.

– Вот, мой мальчик, возьми ее,– сказал он. – Таковую же самую я подарил и Марку. Каждый день читай в ней и познаешь Бога, и каждый день разговаривай с Ним, сколько хочешь.

Не чувствуя под собой ног от радости, Франк отправился домой. Этот большой, властный, сильный

Бог хотел, чтобы он, Франк, постоянно с Ним разговаривал. И этот же Бог обещал всегда быть с ним и никогда его не оставлять.

Он шел по улице, и ему казалось, что он не менее шести метров высотой и обладает медвежьей силой. Счастливая улыбка играла на его лице, но стоило ему завернуть за угол, как она тут же исчезла. Возле лавки г-на Михеля стояла вся компания и смотрела, как Хорст уплетал мороженое. Франк тут же хотел засунуть свою новую Библию под куртку, дабы понадежнее спрятать ее. Но тут произошло что-то странное: Франку сразу пришло в голову, что он уже не тот маленький боязливый Франк, каким его все знали. С ним и в нем был Бог. Он вытащил Библию, взял ее в руку и направился к группе. Приближаясь к ним, он выглядел каким-то совсем другим, а Библия в его руке была, словно меч. Все удивленно уставились на него. Хорст первый пришел в себя, вынул мороженое изо рта и протяжно спросил:

– Ну, малыш, что это у тебя там в руке?

– Новая Библия,– без страха, совершенно открыто ответил Франк.

– Мне кажется, я тебе раз и навсегда объяснил, что сегодня никто уже больше не читает Библию,– как бы между прочим объявил Хорст.

– Да,– ответил Франк с высоко поднятой головой,– ты мне об этом сказал, но ты был неправ. Тебе давно пора взглянуть на действительность другими глазами. Ты просто старомоден. Наверное, потому, что живешь в селе,– по-дружески сказал он.

Хорст, словно золотая рыбка, открыл от изумления рот, да и другие лишь стояли и с недоумением смотрели на Франка. Что с ним случилось? Такого Франка они не знали.

Поскольку все они лишились дара речи, Франк

продолжал. Беспомощное выражение их лиц доставляло ему удовольствие.

– Эту Библию подарил мне пастор,– сказал он. – У Марка такая же.

– Он читает Библию? – удивленно спросила Хайде.

– Конечно, он же христианин. И я теперь тоже.

С этими словами он повернулся и пошел дальше. Теперь, после своей первой самозащиты, к нему вдруг стала возвращаться обычная робость, поэтому он поспешил скрыться из их поля зрения. Он получил бы немало удовольствия, если бы видел замешательство, написанное на их физиономиях после того, как он покинул их.

– Кто бы мог подумать! – сопел Себастиан. – Как он вдруг защищался! Такого я за ним еще не наблюдал!

– Но меня поражает другое,– сказала Хайде, прыгнув со своего места на заборе,– а именно: что Марк – христианин. Если он христианин, следовательно, не может же все в этом быть дурным и бессмысленным,– закончила она, вызывая поглядев на Хорста.

Хорст с пренебрежением швырнул палочку от мороженого:

– Тьфу! Они оба скоро поумнеют и станут повзрослому смотреть на вещи. Я ведь сегодня уже не играю со своим медвежонком. Но думаю, Франк это быстро выбросит из головы, как только его отец все узнает,– и он отошел от них со злой усмешкой.

Последующие дни были для Франка водоворотом счастья, волнения, деятельности. Марку и Франку катастрофически не хватало суток – так они были заняты. Каждый день они тренировались в стрельбе из лука, с нетерпением ожидая соревно-

ваний. Не только они с радостью ожидали этого дня ярмарки. Все люди с нетерпением ожидали его, все с жаром готовились. Для большинства жителей округа это было крупнейшим событием года, и каждый считал своим долгом принять в нем участие.

Себастиан не мог говорить ни о чем другом, как только о народном оркестре, который должен был приехать из Эгерсбурга. Роберт часами дрессировал свою овчарку для собачьей выставки.

Как-то раз Марк и Франк встретили двойняшек и Себастиана у г-на Михеля. Сибилла была крайне возбуждена. Ее и Хайде удостоили сопровождать „королеву ярмарки“, быть в ее эскорте.

– На ее автомобиле – находясь среди праздничного эскорта – мы будем проезжать по всему городу, и все нас увидят, – радовалась она.

– Да, – угрюмо добавила Хайде, – но не забудь, что ты красивая, а я уродливая, как огородное пугало. Я этого просто не перенесу, я не пойду.

– Теперь ты уже не можешь отказать! – запротестовала Сибилла.

– Ты так считаешь? – ответила Хайде. – Но у меня есть неплохая мысль.

– В этом году будут присуждать призы за лучшие костюмы, – прервал их Себастиан, устроив пузырь из своей жвачки. – Роберт примет в этом участие лишь в том случае, если ему разрешат переодеться в корову. А ты уже придумал себе костюм, Марк?

– Сказать по правде, я не очень люблю весь этот маскарад, – ответил Марк, – но ради шутки, возможно, сыграю Робин Гуда.

– Моя мать сказала, что мне только маска клоуна подходит, – усмехнулся Себастиан. – Я бы хотел быть королем Барбароссой, но она сказала, что тог-

да я буду скорее похож на сардельку.

– Интересно, кого же в этом году выберут королевой ярмарки,– рассуждал Франк, направляясь вместе с Марком к дому пастора. Ведь она должна быть самой красивой женщиной в округе. – Я считаю, что ею должна стать твоя мать,– смущенно добавил он.

– Да, моя мать – чудесная женщина, жаль, что она старовата для этого. Я очень беспокоюсь за нее,– вдруг сказал он, и улыбка исчезла с его лица.

– Почему? – удивился Франк.

– Из-за дядюшки она себя неловко чувствует. Она думает, что мы для него обуза. Фактически, ему не нужна экономка в доме, он сам неплохо ведет хозяйство. При этом он вовсе не против, чтобы мы жили у него. Кроме того, у матери финансовые затруднения. Вчера она мне сказала, что не в состоянии оплатить интернат. Поэтому в следующем году я уже не смогу вернуться туда. Неизвестно, что со мной тогда будет. Но ничего,– сказал он, и на его лице снова появилась обычная широкая улыбка. – Я никогда долго не ломаю себе голову над проблемами; кроме того, если я пойду в обычную школу, мне разрешат держать собаку.

Вечером Франк кормил морских свинок и случайно подслушал разговор между отцом и Адалбертом.

– Мне это что-то не нравится,– нервно сказал Адалберт. – Я не знаю, что и подумать, и вот уже несколько ночей не могу спать.

Франк наострил уши, приготовившись услышать какую-то тайну. В голосе Адалберта звучали странные нотки, настораживавшие его.

– Да и мне явно слышалось, будто ночью кто-то ходил возле дома, а в поле мне иногда кажется, будто кто-то следит за мной.

– Да,– поддержал его Адалберт,– я уже несколько раз замечал свежие следы вокруг дома и построек. Жаль, что собаки не лают громче, да они и никогда не были хорошими сторожами.

– Если это будет продолжаться,– продолжал отец,– я заявлю в полицию. Но не говори ничего Франку, я не хочу, чтобы он испугался.

„Можно подумать, что я боюсь“,– с усмешкой подумал Франк. Но когда он, проснувшись этой ночью, услышал приглушенные шаги вокруг дома, он натянул одеяло на голову, жалея, что подслушал тот разговор.

Однажды пастор совсем неожиданно объявил, что в пятницу вечером он открывает кружок для подростков одиннадцати-пятнадцати лет. А если уж пастор что говорил, то обязательно сдерживал свое слово.

В следующую пятницу не было, пожалуй, ни одного мальчишки или девчонки этого возраста, который не считал бы нужным явиться, потому что, как сказал Себастиан: „Надо же хоть раз все попробовать, если при этом дают еще и горячие сосиски“.

Они играли в казаков-разбойников и жандармов и пробовали стрелять из лука. Когда они нашумелись и стало смеркаться, все расселись на траве и ели теплые сосиски. Между прочим, Себастиан только из-за этого и пришел. К ним подали лимонад, а пастор рассказывал им об Иисусе Христе.

Теперь уже никто не смеялся над христианами. Все серьезно задумались над этим, а вскоре все стали посещать церковь по воскресеньям. Все внимательно слушали пастора – кроме Хорста, который не решался придти в кружок или посещать церковь по воскресеньям. Этим летом ему во всем

не везло. Сначала он провалился на приемных экзаменах в гимназию; потом ему стало ясно, что он уже больше не является всеобщим любимцем мальчишек и девчонок в округе, и сейчас, когда все группировались лишь вокруг Марка и Франка, никто и не вспоминал о нем.

„Ничего,— говорил он себе с довольной усмешкой, когда увидел, как все играют в крикет в саду пастора. „Вот попаду я в большой интернат, куда меня хочет отправить отец, то там уж меня признают“. И он, высоко подняв голову, пошел мимо, уже воображая себя старостой и капитаном спортивной команды.

„Во всяком случае,— думал он, увидев выставленные за домом пастора мишени,— во всяком случае я их всех обыграю в стрельбе из лука“.

Сплошные проблемы

Из „сбруевого“ сарая доносился страшный шум. Франк услышал это еще издали и спешно заковылял через двор. Что бы там могло случиться? Открыв дверь и вбежав в сарай, он стал, как вкопанный: Петька дрался с Тианом, причем, не на жизнь, а на смерть. Они разъярились и напоминали пару злых собак. Шерсть стояла дыбом, глаза блестели, а из глотки вырывались кричающие звуки.

– Адалберт, Адалберт, скорее сюда! – закричал Франк, открывая клетку, чтобы разнять этих пестухов.

Адалберт немедля прибежал и крепко схватил Тиана, тогда как Франк держал дрожавшего Петьку, вытирая кровь с его шерсти.

– Не думаю, чтобы они серьезно пострадали, – сказал Адалберт, внимательно осмотрев их, – но мне стыдно за тебя, мой дорогой. Ведь ты вырос в крестьянской семье, тебе следовало бы больше разбираться в таких вещах.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивился Франк.

– Смотри, этот маленький коричневый паренек уже не младенец; он вполне взрослый. Не будешь же ты держать двух быков в стаде коров или двух козлов в одном стаде овец, а у морских свинок точно также.

С этими словами он вразвалку вышел из сарая, а Франк бросился подыскивать деревянный ящик для Тиана.

„Теперь тебе придется жить здесь совсем одному“, – пожурил он зверька.

Но Тиан так покорно и жалобно забился в угол, что Франк сжалился над ним. „Я посажу к тебе Сару, и вы будете жить вместе. Пожалуй, я подыщу

еще сетку и натяну ее спереди, чтобы вам было уютнее“.

Через некоторое время в „сбруевом“ сарае снова произошло неожиданное событие. В отместку за то, что у нее забрали двоих детей, Басти принесла еще шестерых малышей, как капля воды похожих на Петьку.

– Иди-ка сюда и взгляни только на все это, – позвал Франк отца, когда тот вошел во двор. В руках у него были навозные вилы, а по пятам за ним следовали собаки.

– Ого! – воскликнул он, взглянув на эту подрастающую колонию. – Ты начал с одного, а теперь их уже одиннадцать. Если так пойдет дальше, то к концу года у нас уже не будет хватать места для коров. Знаешь, тебе надо продать хотя бы парочку взрослых зверьков.

Франк печально гладил шелковистую шкурку Тиана.

– Если я продам их в этот дурацкий зоомагазин, то они могут попасть в плохие руки и будут несчастны.

– Тогда подари их кому-нибудь из своих друзей, – предложил отец.

– Вот это идея! – обрадовался Франк. – Я уже знаю, кому их подарю. Себастиан давно уже мечтал их иметь.

Когда он на следующий день рассказал Себастиану о своем намерении, тот пришел в такое возбуждение, что бегал взад и вперед по лавке г-на Михеля, пока не опрокинул целую упаковку зеленого горошка, и она с грохотом рухнула на пол.

– Они будут размножаться, размножаться, у меня их будут сотни, – пыхтел он, собирая банки. – А когда приедут мои кузины, они пожелтеют от зависти. Я уже бегу домой, чтобы обговорить это с матерью.

Через два часа он пришел во двор с лицом, не выражавшим ничего хорошего.

– Моя мать не разрешила мне их взять,— недовольно сказал он.

– Но почему же? – поинтересовался Франк. – Они не воняют и, к тому же, очень неприхотливые.

– Да не в этом дело— сказал он. – Моя мать какая-то странная. Она думает, что из-за того, что мы бедные, все люди нас презирают. Поэтому она ничего дареного не принимает. Она считает, что вы в Черном Углу очень гордые, потому что эта усадьба уже десятилетиями принадлежит вам.

Себастиан угрюмо замолчал и расстроенный сел на край кровати Франка.

– Тогда купи их,— предложил Франк.

– Не-е, она знает, что у меня нет ни пфенига. Ах, как я мечтал об этих свинках!

– Мне просто не избавиться от них,— сказал Франк отцу за ужином. – Роберт говорит, что нет толку от животных, которых нельзя использовать в работе, или если от них нельзя, по крайней мере, получить мясо или молоко. Марк хочет завести собаку, а двойняжки боятся, что зверьки могут их укусить. Что же мне теперь делать?

– Мне очень жаль, но тебе придется сдать их в зоомагазин,— мрачно сказал отец, намазывая булку маслом.

– Нет, этого я не перенесу. Дай мне неделю сроку, и я найду какой-нибудь выход из положения.

– Хорошо. И чем скорее, тем лучше, сынок,— сказал отец, отодвигая от себя пустую тарелку. – У меня нет желания открыть здесь ферму морских свинок.

Когда Франк позднее был в кухне один и мыл там посуду, он почувствовал себя очень несчаст-

ным. В последнее время они с отцом не могли найти общего языка. Оба были робкими и сдержанными, но, несмотря ни на что, всегда понимали друг друга. Однако, с тех пор, как Франк стал верующим, что-то встало между ними, и он часто чувствовал себя неловко в присутствии отца. Вот уже три воскресенья подряд он посещал церковь и, фактически, жил в доме пастора. То, что отец все узнает, было лишь вопросом времени.

„И тогда он, наверное, запретит мне. А может он...?“ Франк на минуту даже перестал мыть посуду, поставив чашку на место. „А может он...?“ – повторил он с надеждой.

Вдруг он заметил себя в зеркале, висящем на противоположной стенке, и с трудом узнал себя. Куда-то исчез тот боязливый, испуганный Франк, и на него смотрел какой-то совсем другой мальчик. Он высоко держал голову, а на лице было совсем иное выражение, выражение уверенности в себя.

„Я принадлежу Богу“, – громко произнес он в тишине кухни. „И Он обещал всегда быть со мною. Поэтому отец не может помешать мне делать то, что хочет от меня Бог. Бог для меня важнее, чем что-либо другое в жизни“.

С этими словами он бросил в сторону посудное полотенце и побежал к дому пастора, так как сегодня была пятница, и он не хотел опоздать на собрание кружка подростков.

До ярмарки оставалась неделя, и все с нетерпением ждали этого дня, рассуждали о своих маскарадных костюмах и терялись в догадках по поводу того, какие аттракционы будут устроены на ярмарке в этом году. Но о предстоящих соревнованиях по стрельбе из лука было особенно много разговоров.

– Вполне возможно, что фотография победителя

появится в газете, как это было и в прошлом году,— сказала Хайде. Она была единственной из деревенской школы девочкой, принимавшей участие в этом виде спорта.

— Конечно,— подтвердил Себастиан, который вместе с Робертом чистил хромированные детали автомобиля пастора. — Мне давно уже хотелось, чтобы мой снимок поместили в газете, но я знаю, что мне не выиграть этот приз.

— Посмотрим еще, — проворчал Роберт. — Никто из нас не может одержать победу над Хорстом. Он обязательно победит, если его не одолеет кто-нибудь из мальчишек Дилфинга. — В глубине души Роберт сам так мечтал победить этого Хорста, что, усиленно тренируясь, запустил свое хозяйство, которое так любил.

— Бедный Франк,— участливо сказала Хайде. — Ведь тебе тоже хотелось бы принимать с нами участие в соревнованиях.

Франк только мило улыбнулся и сказал:

— Возможно, что в один прекрасный день вам придется пережить сюрприз.

Все с любопытством поглядели на него, но он не сказал больше ни слова.

— Ничего,— сказал Себастиан, рассыпав порошок для чистки хрома,— зато ты можешь принять участие в соревновании на лучший костюм. Кем ты будешь?

— О, я с головы до пят выкрашусь в коричневую краску, завернусь в простыню и сыграю вождя индейцев,— засмеялся Франк. Уходя, он еще успел улышаться, как Себастиан сказал Роберту:

— Как ты думаешь, что с ним творится в последнее время? Его просто не узнать, не правда ли? Он был всегда такой тихий и робкий, а сейчас с каждым шутит и разговаривает.

– Повидимому, это объясняется тем, что он стал христианином,— ответил Роберт, с усердием полируя дальше. — За этим кроется нечто большее, чем кажется, в отличие от того, что утверждает Хорст.

Как только в этот вечер пастор начал говорить, все собрались вокруг него. Он всегда говорил интересно и по существу. Они знали при этом, что каждое его слово заключало в себе большой смысл.

– В этой жизни значение имеет только одно,— сказал он, когда тени стали длиннее и аромат цветов наполнил сад. — Важно искать Бога, изучать Его, тогда имеешь все. Если вы будете с Ним, отказав себе в другом, то ваша жизнь имеет больший смысл, чем если бы вы во всем имели успех, но были бы без Бога.

Франк сидел на траве, напряженно слушая. Он боялся пропустить хоть одно слово пастора. Он чувствовал, что ему во многом отказано в этой жизни, но это не в счет: ведь он был с Богом.

Начинало медленно темнеть, когда Франк шел лесом домой. Он все еще радовался, вспоминая нечаянно подслушанный им разговор между Робертом и Себастианом. Эта радость тут же исчезла, как только он открыл дверь и вошел в темную кухню.

Кипя от злости, отец стоял посреди кухни.

– Как ты посмел! — тихо, дрожащим голосом выдал он из себя. — Твой друг Хорст только что был здесь и рассказал мне кое-что про тебя.

Он с силой ударил кулаком по столу, так что чашки в шкафу зазвенели.

– Я всегда запрещал тебе иметь что-либо с Богом. А ты? Что делаешь ты? В церковь бегаешь и целыми днями просиживаешь в доме пастора. Ты самовольничаешь против отца! Как ты посмел, Франк Шефер? Как ты посмел?

Его лицо побледнело от злости, всего его трясло. Франк никогда не видел его таким, и ему потребовалось все только что приобретенное мужество, чтобы не повернуться и не удрать из дому.

Вдруг отец схватил стул и запустил им по кухне.

– Неужели Бог никогда не оставит меня в покое? – с рыданием вырвалось из него. – Я пробовал исключить Его из моей жизни, из моего дома, но Он не перестает преследовать меня. Я не нахожу покоя! А теперь выслушай меня внимательно, – закричал он, направившись к Франку. – Сейчас же, на этом месте, ты должен дать мне обещание, что откажешься от Бога, не будешь ходить в церковь и постоянно бегать в дом пастора! Ты меня понял?

Сердце Франка отчаянно колотилось, но он спокойно и твердо ответил:

– Мне очень жаль, отец, но я не могу тебе этого обещать. Бог для меня слишком много значит, чтобы я мог Его оставить.

– Так! С меня хватит! – заорал отец и хотел схватить Франка, но тот предпочел храбрости осторожность, выскочил через заднюю дверь и оказался в безопасности. Эту ночь он провел в „сбруевом“ сарае со свинками, а ранним утром отправился к дома пастора.

В то утро, когда отец готовил себе завтрак, случилось нечто из ряда вон выходящее. Он как-раз помешивал овсяную кашу, когда услышал во дворе чьи-то шаги. Дверь распахнулась и чей-то голос спросил:

– Как ты только мог?

Он повернулся. Перед ним стояла самая сердитая женщина, какую он когда-либо видел. Он остолбенел, – в одной руке кастрюля, в другой – деревянная ложка – и не решался сделать и шагу. Ему казалось, что на него двинулась целая армия.

– Как ты изменился! – необычным, хриплым голосом сказала мать Марка.

– Извините, – сказал пораженный отец, – мне кажется, мы незна...

– Нет, мы уже встречались, я та девочка с „лошадиным“ хвостом, которую ты учил ездить на своем осле.

Заметив, что отец стал припоминать, она сердито продолжала:

– Как ты смог так поступить с сыном Сильвии? Разве ты забыл, что говорит Библия о тех, которые мешают детям идти к Богу? Там написано, что таким лучше повесить себе камень на шею и утопиться. Теперь ты вспомнил? Ведь ты очень хорошо знал Библию! Я слышала о тебе, Роберт Шефер, и верю, что ты еще будешь благодарить за все те несчастья, которые обрушились на тебя.

– Любой чувствовал бы себя несчастным, переживя такое горе, какое мне пришлось пережить, – заговорил отец, неуверенно пробуя оправдаться.

– Каждому дано в своей жизни когда-либо испытать горе, – повторила маленькая женщина. – Только тебя оно постигало одно за другим, но за это ты не можешь требовать отчета у Бога.

– Ты даже не знаешь, о чем говоришь, – сказал отец, все еще пробуя оправдаться. – Что может знать о настоящем горе такая женщина, как ты?

– Больше, чем ты думаешь, – был ответ. – Четыре года тому назад, во время автомобильной катастрофы я потеряла мужа и двух дочерей. Но из-за этого я не восстала против Бога; в то время без Его помощи я вообще бы не выстояла. Ты допустил то, что твое горе разбило тебе всю твою жизнь, а теперь ты хочешь разбить и жизнь своего сына; но этого я не допущу!

– Каким образом? – поинтересовался отец, и на

его лице появилось удивление.

– Я буду за тебя молиться! – сказала красивая женщина и вышла из кухни. Отец Франка остался стоять, уставившись ей вслед.

Когда десять минут спустя Франк осторожно прошмыгнул в кухню, он все еще стоял на том же месте с выражением удивления на лице, в одной руке держа кастрюлю, а в другой – ложку. Он ни слова не сказал Франку, когда тот в воскресенье отправился в церковь. Еще долго после этого он почти ничего не ел, а ночами иногда совсем не ложился спать, целые ночи напролет беспокойно шагая взад и вперед по кухне. Он будто что-то искал, а глаза выдавали, как он терзался.

Себастиан и духовой оркестр

– О, Франк, не можешь ли ты мне помочь? – Г-жа Клаар неуверенно остановила свой мотороллер. Она выглядела уставшей и вспотевшей. В последний день перед ярмаркой ей, как члену комиссии, надо было выполнить еще много всяких мелких поручений.

– Мне нужен еще один приз для своего киоска на ярмарке. Это должно быть что-нибудь необычное. И тогда я подумала, не найдется ли у тебя лишняя пара морских свинок?

– У меня на самом деле есть одна лишняя пара, – сказал Франк, имея при этом в виду Сару и Тиана. Правда, ему не очень хотелось, чтобы те принадлежали кому-то, кого он не знает, но мысль о том, что они могут достаться этому угрюмому продавцу зоомагазина приводила его в ужас. Кроме того, неделя, которую отец дал ему на то, чтобы найти пристанище для зверьков, затянулась в целых три. И он ответил:

– Сегодня вечером я принесу их вам.

Г-жа Клаар поблагодарила его и поехала дальше. Когда Франк с клеткой и свинками под мышкой прибыл к ее дому, он застал г-жу Клаар и ее брата в разгаре работы. Они как раз складывали на грузовик различные вещи и всевозможные сооружения, которые утром нужно было увезти в Дилфинген. Г-н Клаар был занят мишенями, которые предназначались для состязаний в его излюбленном виде спорта – стрельбе из лука.

Он улыбнулся Франку, говоря отеческим тоном:

– Ты придешь завтра посмотреть? В группе участников „до четырнадцати лет“ мы ожидаем столько желающих, что в соревнованиях нам придется

сократить обычное количество выстрелов. Придется ограничиться двенадцатью выстрелами с расстояния сорок метров и шестью выстрелами с расстояния тридцать метров. Но я не сомневаюсь, кто станет победителем,— добавил он, глядя на Хорста, помогавшего загружать мишени.

— Парень! Надеюсь, ты победишь его, Марк,— вырвалось у Франка, когда они поздно вечером закончили свои последние тренировки. — Я бы все отдал, чтобы увидеть это.

Марк выглядел не очень-то уверенным.

— Он довольно сильный, я уже видел, как он стреляет,— сказал он.

В эту ночь Франк почти не мог спать, настолько он был возбужден. Лук и стрела лежали в боевой готовности возле его кровати, а коричневая краска для маскарадного костюма ожидала своего часа в сарае. „Как бы я желал, чтобы кто-то победил Хорста“,— подумал он, прежде чем окончательно уснуть.

Всю ночь ему снилась всякая чепуха. Он участвовал в соревнованиях, но все его стрелы почему-то превращались в палку для метлы и летели куда-то ввысь, ни за что не желая лететь по направлению к мишени. Он проснулся весь в поту, жалея, что согласился участвовать.

Лунный свет как-то таинственно заливал комнату сквозь открытое окно, и Франк заметил, что его сердце учащенно бьется. Он проснулся от какого-то шороха, который снова повторился.

Кто-то крался по саду.

„Лучше пойти и разбудить отца,— подумал он,— пора узнать, кто это“.

Он выскользнул из кровати и на цыпочках прошел через комнату, но по пути к двери ему пришлось миновать окно. Его любопытство вдруг взяло верх над страхом и, прячась за занавесками, он

быстро кинул взгляд на освещенный лунным светом сад. То, что он там увидел, заставило его замереть от страха. Там, в диких зарослях прабабушкиного сада, стоял „безобразный“ из лесу, и не отрывая взгляда, смотрел на дом.

Наблюдая за ним, Франк почувствовал, что страх его куда-то исчез. Отвратительное лицо старика выражало столько тоски, боли, невысказанного горя, что Франку стало его жалко. Жалко, если собаки или полиция, или даже выстрел отцовской винтовки будут преследовать его. Франк снова залез в постель и вскоре уснул.

Ровно в час все залезли в довольно вместительный автомобиль пастора, ибо тот обещал всех отвезти в город и обратно.

– Тебе придется залезть в багажник, – засмеялся пастор, увидя Франка, измазанного с головы до пят коричневой краской. Каждый хохотал над костюмом другого, считая про себя, что его собственный костюм всех лучше. Себастиан был превосходным клоуном, а Роберт если и не был похож на корову, то по крайней мере от него сильно несло запахом навоза.

– Я спрятал твой лук вместе с моим, в багажнике, – прошептал Марк, – чтобы все они потом от удивления в обморок попадали, когда тебя объявят участником соревнования.

– Все на месте? – спросил пастор, усаживаясь за руль.

– Нет, двойняшек нет, – вдруг закричали все.

– Но мы не можем больше ждать, иначе мы опоздаем... А, вон и Сибилла показалась.

Но в калитку пасторского дома вошла вовсе не та обычная, аккуратная, украшенная Сибилла; она плакала, подобрав подол своего „придворного“ платья.

– О, нет, – всхлипывала она. – Хайде натворила

что-то ужасное. Мы уже вышли на улицу и, как только скрылись из глаз матери, она достала ножницы и остригла себе волосы.

В этот момент подросла Хайде. Она счастливо улыбалась.

– Теперь никто не может меня заставить ехать на этой дурацкой машине, – сказала она – с такой прической, похожей на швабру.

С этими словами она сняла с себя красивое платье, представ перед всеми в полосатом трико, шортах, чулках и футбольных ботинках.

– Я – Уве Зеелер, – объявила она, влезая в автомобиль. – Я всегда знала, что похожа на него.

Когда они прибыли на стадион в Дилфинг, им показалось, будто они очутились в пчелином улье. Чего там только не было! Лавки, в которых продавалось все, что только можно было себе представить, а также маленькие и большие палатки, в которых было выставлено все, что только можно выставить: начиная с цветов и кончая младенцами. На каждом шагу продавалось мороженое, сладости, лимонад. В центре всего этого находилась площадка, на которой должны были „короновать“ королеву ярмарки. Здесь же должны были состояться выступления акробатов и другие спортивные соревнования.

Роберт поспешил со своей овчаркой к выставке собак, а остальные направились к праздничной процессии, которая уже двигалась по городку.

– Какое счастье, что мне не надо сидеть там, наверху, – сказала Хайде, когда мимо них проезжал автомобиль, в котором сидела „королева“, а рядом с ней среди других сопровождающих с гордым видом восседала Сибила. – Она мечтает о том дне, когда сама станет „королевой“, и я не сомневаюсь,

что ей это удастся.

Затем показался большой черный автомобиль с бургомистром и фрау Хаан, которая должна была открыть ярмарку. Фрау фон Хаан была столь худа, будто являлась одной из беженцев, в пользу которых предназначалась выручка от ярмарки.

За ними ехали фантастически украшенные грузовики. Один представлял собой чайник, другой – дом, на третьем была картина с беженцами, а в конце колонны шел ужасный дракон.

Замыкал это шествие духовой оркестр из Эгесбурга. Музыканты изо всех сил били в барабаны, а на их фуражках развивались ленточки. Это было неопишное зрелище, и все высыпали на улицу, чтобы сопровождать этот праздничный поезд, направлявшийся к месту открытия ярмарки, где должны были „короновать“ старшую дочь фрау Фурман.

Вскоре они оказались в центре праздника, где стоял ужасный гвалт.

Собаки лаяли, младенцы орали, раздавался бой барабанов, а все это перебивалось голосом из громкоговорителей.

– Начинается стрельба из лука для взрослых, которая будет проводиться за палаткой, продающей кофе, – пробубнил этот голос.

– Это не для нас, – сказал Себастиан, который не был хорошим стрелком. – Пойдемте, осмотрим-ка лавки.

Они отправились все вместе. Проходя мимо лавки с горячими сосисками, они встретили г-на Михеля. Они впервые видели его не за прилавком, поэтому чуть не узнали его. Увидев их, он рессиял.

– Посмотрите-ка, – с гордостью произнес он, – двадцать лет я не вмещался в эти брюки, а теперь они мне впору. Не находите ли вы, что я стал строй-

ным?

Никто не заметил особых изменений в его фигуре, но все уверяли его, что по стройности он не уступал кинозвезде. Это очень льстило его самолюбию.

Вскоре они добрались до лавки г-жи Клаар, и лицо Себастиана просветлело, когда он увидел парочку морских свинок.

– Их можно выиграть? – удивился он. – Тогда я их должен выиграть, чего бы это ни стоило.

– Это стоит двадцать пфенигов, – строго сказала г-жа Клаар, но Себастиан открыл свою потную ладонь и показал ей монету в две марки.

– Мой отец дал мне их сегодня утром, – гордо объявил он, ибо это были его первые карманные деньги.

– Условия выигрыша довольно сложные, – продолжала г-жа Клаар, которую Себастиан не мог терпеть.

– Мы знаем, что это не многим под силу, поэтому призы такие ценные.

Действительно, было очень трудно. Между двумя столбами висел кривой скрученный провод, соединенный с электрическим звонком. Играющий должен был взять висящее на проводе кольцо и осторожно провести им вдоль провода, не задев его. Стоило ему задеть провод, как раздавался звонок, и играющий лишался права дальнейшего участия в игре.

За шесть безуспешных попыток Себастиан уплатил марку и двадцать пфенигов и был уже готов расплакаться, когда услышал, что громкоговоритель объявил конкурс на лучший костюм.

Костюмов было так много, и они были настолько изобретательны, что фрау фон Хаан, которой предстояло определить победителя, была в боль-

шом затруднении.

Но мать Хорста не зря всю ночь не смыкала глаз и сшила своему сыну костюм астронавта. На голове, в качестве шлема, у него был шар с золотыми рыбками. В конце концов, Хорсту был присужден приз за этот костюм. Он самоуверенно отправился на стрельбище, ни на минуту не сомневаясь, что и следующий приз будет принадлежать ему.

– Пойдемте со мной, – попросил Себастиан. – Я хочу еще раз попробовать выиграть свинок. – Он был одержим мыслью занять этих зверьков.

Когда они следовали за ним, Франк увидел очень представительного мужчину с бородой, серьезно беседовавшего с бургомистром. Он потянул Марка за рукав и прошептал:

– Это директор гимназии.

– Ах, слушай, я совсем забыл тебе сказать, что моя мать была вчера у него на приеме и просила зачислить меня в гимназию. Так что в следующем году мы вместе будем ходить с тобой в гимназию.

Франк вдруг почувствовал, что счастье переполнило его. „Если бы отец был здесь и посмотрел соревнования по стрельбе из лука, я бы умер от счастья“, – думал он. – „Но он, конечно, очень занят на уборке урожая“.

Наконец, они пришли к лавке г-жи Клаар, и Себастиан снова примостился у проволоки. Его лицо покраснело от напряжения.

При первой попытке звонок зазвонил уже на двадцатом сантиметре, да и вторая попытка не увенчалась успехом. Себастиан вконец расстроился.

– У меня осталось еще лишь две попытки, – вздохнул он. – Я просто не знаю, что делать, если

сейчас не выиграю.

Он уплатил свои двадцать пфенигов и снова приступил, но когда дошел уже до половины, снова громко зазвенел звонок.

– Теперь последняя попытка,– угрюмо заявил он, вытирая пот с лица. От напряжения он даже высушил язык, когда взялся за последнюю попытку.

Все настороженно молчали, затаив дыхание. Хайде прикусила до крови губу, а Роберт обломил один рог у своего „коровьего“ костюма. Даже Тиан с Сарой со страхом наблюдали из своей клетки.

– Еще только пол-метра,– прошептал, – нет – едва выдохнул Себастиан,– еще этот узел, а потом через дугу и...

– Бу-у,– неожиданно сзади бухнул Хорст.

От неожиданности Себастиан вздрогнул, и в этот же миг зазвенел звонок.

– Ты, чучело! – закричал несчастный. – Теперь-то я их навсегда потерял.

– Жаль,– улыбался Хорст совершенно равнодушно. Зато Хайде пришла Себастиану на помощь:

– Я прошу вас, г-жа Клаар, разрешите Себастиану еще раз. Это было нечестно.

Г-жа Клаар заколебалась, ведь, в конце концов, Хорст был ее любимцем, но хорошее в ней вдруг взяло верх. Довольно сердито она сказала:

– Хорошо, Себастиан, только поторопись.

Снова наступила гробовая тишина, все больше людей останавливалось посмотреть. Всем хотелось прочувствовать этот важный момент. Себастиан кричал, как г-н Михель во время ревизии, а от напряжения его уши стали совсем красными.

Десять сантиметров, пять сантиметров, два сантиметра, один сантиметр...

– Я выиграл! – заорал он и плашмя бросился на землю. Он с ликованием размахивал руками и нога-

ми в воздухе, а толпа аплодировала ему.

– Они могут пока у меня остаться,– сморщив нос, сказала г-жа Клаар. – Ты можешь их потом здесь забрать.

– Теперь нам бы лучше отправиться на стрельбище,– сказал Роберт, у которого были ручные часы. Тогда мы не опоздаем.

Себастиана трудно было заставить продвигаться вперед. Он так возгордился своим успехом, что должен был поделиться об этом с каждым встречным. К тому же, он подпрыгивал от радости и распевал веселые песни.

Когда они уже приближались к стрельбищу, им пришлось пройти мимо киоска со всевозможной фарфоровой и фаянсовой посудой, выставленной для выигрыша.

Неподалеку от него сидел недовольный Адалберт, стороживший все это добро, пока его огромная кузина пила кофе.

– Заходите! Заходите! – заулыбался он, увидев приближающуюся группу. При этом он показал на картину с изображенным на ней страшным лицом, висевшую на задней стене киоска.

– Стоит забросить шарик в этот открытый рот, как вы выиграете один из этих чудесных призов.

– О, я с удовольствием бы попробовал,– заявил Себастиан, все еще подпрыгивая,– только у меня больше нет денег.

– Я плачу,– великодушно заявил Хорст, которому в глубине души было стыдно, что он в такой ответственный момент закричал „Бу-у“.

– Большое спасибо,– сказал Себастиан и простил ему все.

Но Себастиан совершенно не умел метать – независимо от того, какой это был мяч – а сейчас его возбужденное состояние еще больше снизило его

шанс попасть в цель.

Адалберт подал ему тяжелый деревянный шарик, он сделал шаг назад и с размаху швырнул его совершенно в другую сторону! Шарик пролетел буквально рядом с сердитым лицом Адалберта и попал в самую середину аккуратно выставленных призов. Чайники, кофейники, стаканы и масленки, безвкусные фарфоровые вазы – все это с грохотом повалилось на пол, образовав кучу осколков.

– Ах ты, маленький мерзавец! – ругался Адалберт. – Что скажет теперь моя кухня? – Он схватил свою палку, угрожая, – ну, погоди, я доберусь до тебя!

Но Себастиан не стал ждать! Он стал удирать со скоростью, на которую только были способны его ноги, преследуемый Адалбертом, который кричал и угрожающе размахивал своей тростью. За ним неслись его кухня, все еще державшая в руке свою чашку с кофе, и все, кому доставляло удовольствие увидеть, чем это кончится.

Себастиан был до того напуган, что не разбирал, куда бежит. Он ворвался в толпу, слушавшую духовой оркестр, а в следующий момент врезался прямо в размеренно вышагивавший оркестр. Ворчанье бас-трубы вдруг замерло, барабанная дробь закружилась в воздухе, музыканты попадали друг на друга, образовав спутанный клубок из костюмов и ног.

Себастиан не смел даже оглянуться, чем все это закончится, и понесся дальше, к зданию газового хозяйства, надеясь там спрятаться. Далеко позади он оставил дирижера, размахивавшего своей дирижерской палочкой, и басовика, голова которого торчала сквозь безнадежно пробитую ткань барабана.

После этого случая, несмотря на усиленные

просьбы бугромистра, духовой оркестр никогда больше не радовал своей игрой маленький городок Дилфинген!

Соревнования по стрельбе

– Смотри-ка, тебя и тут можно встретить! – послышался приятный мелодичный голос. Отец вздрогнул, и едва не пролил кофе, который он нес перед собой. – А Франк сказал, что ты слишком занят, чтобы прийти.

На красавице было голубое платье, и одиноко попивая свой кофе в переполненной палатке освежительных напитков, она была похожа на создание из другого мира.

– Ну, да,– несколько смущенно сказал отец,– с уборкой урожая так повезло, что я подумал, неплохо бы устроить себе сегодня небольшой отдых. Я хотел посмотреть выставку собак, а кроме того, Франк очень уж просил, чтобы я пришел посмотреть соревнования по стрельбе из лука, или что-то вроде этого.

– Да, да, ты обязательно должен посмотреть, как это делает мой сын,– засмеялась фрау Таннер. Роберт Шефер ничего не ответил, потому что смотрел на ее лицо, словно стремясь в нем что-то найти.

Наконец, он попытался стряхнуть с себя это необычное для него состояние и принужденно-веселым тоном сказал:

– Надеюсь, ты не забыла обо мне молиться?

– Нет, я не забыла,– спокойно ответила она. – Напротив, после того, как я увидела тебя в прошлый раз, я не переставала делать это.

– Знаешь, для меня было бы лучше, если бы ты с этим раз и навсегда покончила,– возразил отец и неожиданно рассердился. – После того, как ты меня посетила в то утро, я не нахожу себе покоя. Мне кажется, будто меня все время зовет Бог.

– Почему же тогда ты не вернешься к Нему? – дружелюбно спросила фрау Таннер.

– Что? Снова приползти к Богу и признаться, что я без Него не могу жить? Никогда! Это было бы поражением.

Вдруг и ее глаза засверкали гневом.

– Ты самый глупый мужчина, которого я знаю, Роберт Шефер, – сказала она. – Ты знаешь путь к счастью, но слишком горд, чтобы идти им. – С этими словами она встала и быстро вышла из палатки.

„Начинаются соревнования по стрельбе из лука для группы подростков до четырнадцати лет“ – раздалось в громкоговорителях.

– Скорей, пойдемте – позвал Марк друзей, которые все еще наблюдали, в каком смятении были рассерженные музыканты. – Я пойду к машине и принесу вещи. Мы встретимся у входа на стрельбище.

Вскоре они все стояли в очереди желающих принять участие в стрельбе, чтобы записаться у необычно нервничавшего г-на Клаара. Они по очереди платили ему взнос в пятьдесят пфенигов, и он заносил их фамилии в свой журнал.

Когда дошла очередь до Франка, г-н Клаар недовольно оторвался от своего журнала, вертя в руках карандаш.

– Франк Шефер, отойди в сторонку, у меня нет времени сейчас заниматься тобой.

– Но пожалуйста, я тоже хочу принимать участие, – заикаясь, вымолвил Франк и почувствовал себя очень неловко.

Г-н Клаар сморщил лоб.

– Это очень серьезные соревнования. Мы не можем допустить тебя ближе к мишени и предоставить тебе другие преимущества по сравнению с остальными участниками.

– Я знаю,– сказал Франк, густо покраснев,– я буду состязаться на равных,– и с этими словами он решительно положил свои пятьдесят пфенигов на стол.

Роберт и Хайде стояли в очереди позади него. Когда Франк уплатил, Роберт спросил его:

– Ты, наверное, шутишь, что на самом деле собираешься стрелять? – В этот момент Франк пожалел, что согласился на все это, но подтвердил свое решение.

– Мы начинаем! – громким голосом проговорил г-н Клаар, собрав деньги. – Участие принимают двадцать один стрелок. Прошу первых трех стрелков подготовиться к первой попытке на сорокаметровую дистанцию.

Роберт был в первой группе с двумя мальчиками из другой школы. Они по очереди выпустили сначала три, а потом еще три стрелы. Роберт выиграл двадцать очков, но другой, высокий рыжий мальчик, выиграл двадцать пять очков.

Хайде участвовала в следующей группе: она так волновалась, что две ее стрелы вообще пролетели мимо мишени, три из них попали в белое, и лишь одна – в черное. Это дало ей всего пять очков.

Франк стоял рядом и наблюдал за следующими группами. Чем ближе подходила его очередь, тем сильнее колотилось его сердце.

– Сейчас я ужасно опозорюсь,– шептал он. – Тогда мне нигде нельзя будет показаться. Как я мог додуматься до того, чтобы принимать участие в таких соревнованиях?

Хорст поглядывал на него с саркастической улыбкой, и это только усугубляло его состояние.

– Здесь тебе не санаторий,– с ехидством заявил он, увидев Франка с луком и стрелой.

– Так, подготовиться последней тройке – прозвучит

чал голос г-на Клаара и Франк понял, что его час пробил.

Он оказался в тройке с Марком и Хорстом и был рад этому. „Все будут слишком увлечены борьбой этих двух, чтобы заметить, что делаю я“, – думал он. Но встав за стартовой линией, он заметил множество удивленных лиц в толпе, окружающей стрельбище. Все, знавшие его, подталкивали другу друга и указывали на него. Когда же он еще увидел среди них отца, его сердце на мгновение приостановилось. „Значит, он все-таки пришел! Теперь я просто должен показать все, на что способен, – думал он. – В противном случае отец, как всегда, будет стыдиться меня“.

– Приготовиться, – послышалась команда, и Хорст натянул свой лук. Его первая стрела как раз угодила в золотое, что дало девять очков. Толпа облегченно вздохнула, и Хорст с довольной улыбкой пустил две следующие стрелы, одну – в красное, на семь очков, а другую – в синее, пять очков.

– Двадцать одно очко с первой попытки – чудесный результат, – похвалил пастор.

– Да, – подтвердил отец, которого красивая женщина только что познакомила с пастором. – Одному небу известно, кто уговорил моего маленького сына принять в этом участие. У него едва ли хватит сил угодить в мишень.

– Ничего, – дружелюбно утешил его пастор. – Сам факт, что он принимает участие, ободрит его, даже если он не выиграет ни одного очка.

– Я и не догадывалась, что они все время вместе тренировались на поле. – Я думала, что Франк только наблюдает за стрельбой Марка, – вступила в разговор фрау Таннер.

В первой попытке Марк набрал только пятнадцать очков, и теперь на очереди был Франк. Тем временем он так разволновался, что ему было все

равно. Первую стрелу он запустил с закрытыми глазами и не решился их открыть, пока не услышал голос Марка:

– Попал в красное! Хорошо!

Две следующие стрелы попали в черное, дав ему при этом по три очка каждая. Когда Франк закончил свое „выступление“, с минуту все молчали от неожиданности, но затем раздались бурные аплодисменты.

– Тринадцать очков, какая удача! – сказал отец, не скрывая своего удовольствия. Вскоре всеобщее внимание снова переключилось на Хорста, который следующими тремя стрелами закончил свою первую попытку. Он набрал ими двенадцать очков, закончив с общей суммой в тридцать три очка – что было пока одним из лучших результатов.

К своим пятнадцати Марк добавил десять и отступил, чтобы наблюдать за Франком. Тот, глубоко набрав воздух, попал два раза в красное. Это его так расстроило, что следующую стрелу он поторопился выпустить, и она полетела мимо мишени, упав на землю неподалеку.

– Не забудь держать тело в покое до тех пор, пока стрела не попадет в цель, – напомнил ему Марк, когда они отошли в сторону, чтобы уступить место первой тройке. – Но, несмотря на все, двадцать семь очков – превосходный результат, ты обошел меня на два очка.

Во второй попытке никому не удалось побить рекорд Хорста – тридцать три очка. Когда снова наступила его очередь, он не мог скрыть своего гордого самодовольства.

После второй попытки результаты были таковы: у Хорста шестьдесят три очка, у Марка (он несколько раз попал в золотое) – шестьдесят, а у Франка – пятьдесят семь.

Когда объявили этот результат, отец не поверил своим ушам. Он всегда стыдился Франка, будто в том, что его сын калека, был виновен он, его отец. В глубине души он всегда мечтал о сыне, который мог бы делать то, что и все остальные мальчики. Как раз это и делал сегодня Франк, да к тому же, еще лучше других! У отца вдруг возникло желание толкнуть стоящую впереди толстую женщину и сказать: „Вон тот, белокурый – это же мой сын!“ Но увидев Адалберта и г-на Михеля, направлявшихся к нему, он подавил в себе это желание и заулыбался им навстречу.

– Какое счастье, что вы здесь, – пропыхтел г-н Михель. – Если бы я потом принялся рассказывать вам о том, чем здесь Франк занимается, вы бы мне ни за что не поверили.

– Когда я вспоминаю, каким маленьким забитым мальчишкой он был раньше, то не знаю, что и подумать – вступил в разговор Адалберт.

– Что-то полностью изменило его, – продолжал г-н Михель. – Раньше он просто не верил в свои силы.

И только красивая женщина заметила то особое выражение, которое промелькнуло на его лице при этом замечании.

– Я даже и не знал, Франк, что ты умеешь стрелять, – с кислой миной проговорил г-н Клаар, деловито заканчивая приготовления к третьей попытке.

– Марк, тебе обязательно надо набрать еще три очка, – прошептала Хайде, когда последняя тройка стояла наготове. – Ты просто обязан обойти Хорста, он так ужасно воображает.

– Фактически, борьба ведется теперь между Хорстом, Франком и Марком, – заметил Роберт. – Ну и сенсацию приготовил нам Франк! Кто бы мог подумать, что он так хорошо стреляет?

– Я бы никогда не поверил, если бы не увидел своими глазами,— подтвердил Себастиан, покинувший свое убежище и снова присоединившийся к компании. Он не принимал участия в стрельбе, так как слишком опасался кузины Адалберта и музыкантов духового оркестра. Но теперь он был настолько увлечен успехом Франка, что позабыл о своем страхе.

Хорст гордо подошел к стартовой черте, уверенный в своих силах. Хладнокровно, без особого напряжения он набрал первыми тремя стрелами двадцать два очка. Когда стрелял Марк, Франк затаил дыхание, но с тем творилось что-то неладное. Две стрелы попали в белое, а третья – в синее.

– Всего лишь семь очков,— пробормотал тот,— не понимаю, что со мной?

Наступила очередь Франка. Когда он наводил стрелу, приспособивая на тетиве, взгляд его упал на внушительную фигуру его будущего директора, наблюдавшего за ним из толпы. Но и это не поколебало его, ему было все равно. Конечно, он не станет победителем, но он и не опозорил себя, как боялся вначале.

Он выпустил три стрелы, не заботясь о том, куда они полетят. Поэтому он вначале не хотел поверить, когда судья – один из учителей гимназии – объявил двадцать пять очков.

– Это многообещающий парнишка,— сказал директор гимназии, обращаясь к г-же Клаар, у которой от удивления глаза вылезли на лоб, когда она смотрела на Франка. – Для нашей школы это будет большой победой. Не говоря уже о том, что нужно немалое мужество, чтобы с таким недостатком телосложения выступать перед огромной толпой зрителей.

Хорст услышал это замечание и презрительно

повел плечами. Ну что ж, пусть этот маленький Франк принесет победу этой дурацкой старой гимназии. Еще только три недели среди этой деревенщины, а затем он – Хорст – окажется в дорогом интернате, окруженный вниманием порядочных людей, которые будут им восторгаться. Ну, а сейчас он хотел стать победителем, чтобы удивить всех этих простаков.

Его конечный результат был девяносто восемь очков, и когда он отбросил свой лук в сторону и с вызовом скрестил на груди руки, его улыбка как бы говорила:

– Ну, что ж, если сможете, обыграйте!

Он свысока оглядывал других, уже подумывая о том, какую позу принять для фотографии в газете.

„Чтобы его победить, Марку надо набрать еще тридцать два очка,– в отчаянии думал Франк,– но ему их не набрать“.

Марк старался изо всех сил, но набрал всего двадцать два очка. Этим самым его конечный результат составлял восемьдесят девять очков, – он отставал от улыбающегося Хорста ровно на девять очков.

– По крайней мере, он второй,– думал Франк, вставая к линии. Но в этот момент Хайде зашептала ему на ухо:

– Давай, Франк, теперь все зависит от тебя.

– Что зависит от меня? – удивился Франк. – Ведь у меня вообще нет шансов. – И вдруг его осенило: ему не хватает семнадцать очков до победы!

Неожиданности для Франка

Эта мысль так выбила его из колеи, что стрела, которую он приготовил для выстрела, выскользнула у него из рук и отлетела почти на два метра от него.

– Мне очень жаль, но я должен засчитать это выстрелом, – сказал г-н Клаар, и в его голосе почувствовался триумф.

– Может быть, ему можно задеть стрелу с линии старта, – предложил Марк. – Попробуй, Франк, если тебе это удастся, тогда ты имеешь шанс пустить стрелу еще раз.

Франк крепко уперся ногой в линию и как только мог, пытался дотянуться луком до стрелы. Сердце отца, казалось, хотело вырваться из груди, когда он смотрел на напрасные попытки сына – тому не хватало десяти сантиметров. Франк напрягся и еще раз попытал счастья. На этот раз ему удалось дотянуться до стрелы крайним концом лука. Зрители захлопали и закричали „браво!“ Отец похлопал пастора по плечу, пожал руку г-на Михеля и чуть было не толкнул в бок стоящую впереди толстую женщину.

Но Франк не смог сосредоточиться, и так тяжело доставшаяся ему стрела пролетела мимо цели. Отец тяжело вздохнул и разочарованно кусал себе губы.

– Хоть бы он выиграл! – обратился он к красивой женщине. – Тогда бы я был самым счастливым человеком на свете.

Франк видел выражение разочарования на лице отца и упал духом.

– Господи! Помоги мне выиграть, чтобы отец мог мной гордиться, – прошептал он.

Он вдруг стал хладнокровным и необычайно спокойным. Без всяких раздумий он отправил две

оставшиеся стрелы в золотое поле. Буря ликования раздалась со всех сторон.

– Сто очков! – выдохнул Марк, в то время как Хайде, подпрыгивая, кричала:

– Франк победил Хорста! Франк победил Хорста!

Г-н Клаар был ошеломлен, пастор хлопал в ладоши, пока у него не заболели руки, Роберт стоял с открытым ртом, а Себастиан снова бросился на землю, барахтая ногами в воздухе. Даже Сибилла опять могла улыбаться, а г-н Михель пришел в такое возбуждение, что вовсе забыв о диете, бросился покупать каждому по порции мороженого, а сам, ради праздника, умял шесть порций.

Адалберт провел рукой по загорелому лицу и вымолвил:

– Это великий день для Черного Угла!

Ему вдруг пришлось исчезнуть за палаткой прохладительных напитков и очень шумно высморкаться! И только один человек не мог радоваться или что-то говорить – им был Хорст. Он поднял свой лук и стрелы, и ворча удалился.

Директор гимназии величественно подплыл к г-ну Клаар и сказал:

– Мой милый Клаар! Оказывается, Вам удалось подготовить в своей школе выдающиеся подрастающие силы! Особого успеха Вы добились с этим маленьким мальчиком-калекой.

– Да, конечно, – ответил г-н Клаар, – ведь к этим калекам прилагаешь какие-то особые старания.

„Особые старания! Какая чушь!“ – пробормотал Франк, слышавший этот разговор, но был слишком счастлив, чтобы разозлиться. Впервые в своей жизни он почувствовал себя наравне с мальчишками своего возраста и мог смело смотреть им в глаза, как это посоветовал ему старик.

Его отец стоял среди всего этого шума и гама, все еще с недоверием смотря в сторону Франка. Когда его сын, вне себя от счастья, подбежал к нему, у того перехватило дыхание.

– Это же чудо,– хрипло прошептал он.

– С тех пор, как я стал христианином, я испытываю одно чудо за другим,– засмеялся Франк, забыв, с кем он говорит. Боль и недовольство выразились на лице отца, и до Франка вдруг дошло, что он сказал.

– Я этого больше не выдержу,– неожиданно сказал отец, резко повернулся и побежал к стоянке автомобилей. Вскоре он уже мчался вниз по улице в своей машине.

– Не беспокойся,– сказала красивая женщина. – Я уверена, что он поехал домой, чтобы примириться с Богом. Да что там, ведь давно бы пора!

В этот момент подскочил Адалберт, а за ним два здоровых полицейских.

– Где твой отец, мальчик? – выдохнул он. – Его разыскивает полиция.

– Очень срочное дело, малыш,– сказал один из полицейских. – В усадьбе нам сказали, что он должен быть здесь. Ты тоже должен поехать с нами,– добавил он, взяв Франка за руку.

– Отец только что уехал домой; но что мы такого натворили? – со страхом спросил Франк.

– Я тебе все расскажу по дороге,– сказал полицейский и потянул его к ожидавшей машине.

Все шли за ними и с удивлением наблюдали за происходившим.

– Послушайте, нельзя же их просто так забрать,– вдруг подал свой голос пастор.

– Что там случилось? – спросил г-н Михель, который не позволил себе пройти мимо происходившего.

– Давайте, мы силой освободим Франка,– предложил Марк, швырнув свой лук.

– Не беспокойтесь, все в порядке,– успокоил их полицейский, усаживая Франка в машину. – Здесь идет речь о том „безобразном“ из лесу. У него был сердечный приступ, и доктор Хардер сказал, что он при смерти. Повидимому, этому старику надо сказать Шеферам что-то важное, и нам надо успеть доставить их во время.

Полицейская машина неслась по лесной ухабистой дороге и вскоре доставила Франка и его отца к поляне, на которой стоял вагончик старика.

Доктор Хардер стоял у калитки, неодобрительно скрестив руки.

– Много же времени понадобилось вам для того, чтобы вернуться,– со своей обычной кислой миной сказал он. К счастью, его состояние несколько улучшилось. Ему стало плохо в лесу, где его нашел Ханс Леммерих. Поскольку он бормотал, что хочет вас видеть, я послал за вами. Сейчас он сидит и чувствует себя немного лучше, но скорая помощь должна вот-вот подъехать.

Франк и отец вошли в темный маленький вагончик и увидели старика на постели. Чтобы он мог сидеть, его обложили несколькими мешками и охапкой сена. Отец и сын стояли, словно их громом поразило, когда увидели, что он держал в своих старых морщинистых руках. Это была прабабушкина Библия.

– Входите,– пригласил он. – Мне надо вернуть вам вашу собственность. Видите, я умираю, – чуть ли не весело добавил он. Но перед смертью я еще раз хотел повидать своих родственников.

Родственников? – пробормотал отец.

– Да, родственников,– ответил старик. – Ты – мой племянник. Разве ты никогда не слышал о Гар-

ри, черной овце семьи, который удрал за границу? Я, как и вы, родился в Черном Углу, а это – Библия моей матери. Она всегда хотела, чтобы эта книга никогда не покидала Черный Угол. Пока Шеферы читают и любят ее, – говорила она – счастье не оставит их. Но как только они перестанут ее читать, горе войдет в их дом.

Он посмотрел на отца и улыбнулся своей странной искаженной улыбкой.

– Вот, возьми-ка ее лучше обратно. Я часто наблюдал за тобой в Черном Углу, и мне всегда казалось, что ты несчастен.

Отец шагнул к постели и бережно взял эту старую книгу, которую он однажды хотел уничтожить. Он неотрывно смотрел на нее и робко пробормотал:

– Самое примечательное то, что сегодня я снова нашел и Бога, и Библию.

Он стоял, не говоря больше ни слова, держа книгу, как самую драгоценную жемчужину.

– Как она к тебе попала, дядюшка? Разве ты волшебник? – одним дыханием спросил Франк.

– Нет, нет, мой мальчик, – слабо ответил старик. – Однажды, идя через лес, я встретил большого, очень рассерженного мальчика, несшего эту книгу. Я узнал в ней Библию моей матери и приказал ему: „Сейчас же брось ее!“ Он бросил ее и тут же убежал. С тех пор я постоянно читал в ней и вспоминал все то, что когда-то, давным-давно, мне рассказывала мать и чему она меня учила. Я не сомневаюсь, что ей очень хотелось бы, чтобы теперь эта книга вернулась в Черный Угол.

Вдруг его лицо стало серым. Он положил свою руку на руку Франка и вымолвил:

– Заботься о моих свинках, пусть они и дальше выигрывают призы.

Доктор Хардер шагнул вперед, громко прокашлялся и произнес „хм, хм“. Ему не очень-то нравилось заботиться о старых, грязных бродягах, и он был поражен, что в родне Шеферов имеется таковой. Но когда в этот момент вошел лесничий и очень почтительно произнес:

– Добрый день, мне очень жаль, что вы себя так плохо чувствуете! глаза доктора полезли на лоб от удивления.

– А, вот и вы, Фергюзон,– произнес старый бродяга со своей покрытой соломой постели. – Слушайте внимательно: весь лес я оставляю в наследство этому мальчику. В моем завещании у адвоката записано, что он будет принадлежать ему с момента его совершеннолетия. Я люблю тебя, мой мальчик,– сказал он, глядя на Франка сквозь полузакрытые глаза. – И я хотел, чтобы мой лес принадлежал тебе. Все свои деньги я заработал в Канаде, там мне тоже принадлежало много леса.

Но я его продал, чтобы купить этот. Так я мог жить вблизи Черного Угла. Не растрачивай свою жизнь, как я, мой мальчик; помни: всегда нужно смотреть всем прямо в глаза.

Многое меняется

Франк сидел на яблоне, глядя сверху на Черный Угол. Так много изменилось с тех пор, когда он в последний раз сидел на ветках этой яблони, что не хотелось верить, что с тех пор прошло всего два года. Тогда он думал, что дом выглядит проклятым, но сейчас он выглядел приветливым и дружелюбным. Все окна были открыты и свежо выкрашены. На них были красивые новые занавески. Красные ползучие розы вились по стенам, смягчая их серость. Прабабушкин сад снова стал красивым и ухоженным, как при ее жизни, а деревья в близлежащем лесу выглядели стройными и здоровыми.

Франк посмотрел на себя со стороны. Если уж дом так изменился за последние два года, то тем более вырос он сам. С тех пор, как он пошел в гимназию, он стал расти и вырос уже больше Марка, став почти таким, как Роберт. С помощью специалиста, врача-физиотерапевта, он стал лучше ходить, а его левая рука изо дня в день становилась крепче. Он был первым учеником в классе и капитаном стрелковой команды в школе. Он совсем забыл, что такое неловко себя чувствовать.

Франк посмотрел в сторону леса – его леса – и в нем поднялось чувство гордости. В один прекрасный день он пойдет в университет, чтобы изучить все об охране и оздоровлении леса. Затем он вернется домой, чтобы перенять все это большое наследство, которое оставил ему „безобразный“.

Снизу раздался писк, напомнивший ему о том, что пора кормить знаменитых чемпионов-свинок. Дверь в „сбруевый“ сарай была открыта, и Франку видны были длинные ряды чистых клеток. На последней неделе сын Петьки и правнучка „Цезаря“

заслужили высший приз, каким только награждались морские свинки.

Франк был не единственным, кто очень изменился в округе. Закончив свой первый учебный год в интернате, Хорст вернулся оттуда совсем другим мальчиком. Вместо самого старшего и умного ученика маленькой школы он стал самым маленьким и глупым мальчиком в очень большой школе. Каждый из семиста учеников считал своим личным долгом „подцепить“ его.

Но в каждые последующие каникулы домой приезжал Хорст, чуть-чуть изменившийся к лучшему, и Марк часто говорил:

– Теперь он уже почти стал человеком.

Он как можно чаще ходил в церковь, а по пятницам посещал кружок, слушая пастора так же внимательно, как и остальные.

Большим изменением было, естественно, и то, что..., но вдруг из дома его кто-то позвал. Он тут же слез с дерева и направился к двери. Да, это было самое важное изменение!

За столом, на котором стояли всевозможные пироги, булочки и мармелад, сидели отец, Марк и красивая женщина.

– Идем же, Франк,– заулыбался Марк,– я умираю от голода.

Когда отец помолился, Франк подумал: „Ужасно жаль, что она не подождала пару годиков и не вышла замуж за меня. Но лучше, чтобы Марк был мне братом. Не могу себе представить, чтобы он стал мне пасынком!“

Библия прабабушки лежала на почетном месте, а фотография Гарри, этой „черной овцы“ семьи, стояла у камина. С тех пор, как Бог вошел в жизнь этих людей, сидевших у стола, Шеферы из Черного Угла вновь жили в мире.